

Л.Кулаковский

ИСКУССТВО
СЕЛА
ДОРОЖЕВА

Л. КУЛАКОВСКИЙ

ИСКУССТВО
СЕЛА
ДОРОЖЕВА

У ИСТОКОВ НАРОДНОГО ТЕАТРА И МУЗЫКИ

Под общим редакцией

С. В. АКСЮКА

СОВЕТСКИЙ КОМПОЗИТОР

Москва 1959

*Старинный праздничный наряд.
(Дочь Е. Ф. Симоновой Рая в платье своей матери)*

В В Е Д Е Н И Е

Карта фольклорных богатств нашей Родины так же пестра и разнообразна, как и географическая или экономическая. И не только потому, что множество народов населяет Советский Союз и фольклор их, как и языки, неповторимо своеобразен. В пределах одной и той же национальности можно наблюдать громадное разнообразие фольклора, определяемое особенностями исторического развития и различием географических условий районов. Где интенсивно развивалась промышленность, устанавливается фабрично-заводской быт, там рабочий фольклор — городская песня, частушка — местами вытеснял старую крестьянскую песню. Этот процесс подмечен фольклористами уже в конце прошлого века.

В отдаленных от промышленности и железных дорог сельскохозяйственных районах относительно стойко сохранялась крестьянская песня, местами даже самые древние ее формы. После Великой Октябрьской социалистической революции в деревню стала проникать советская массовая песня, особенно с появлением радио; в то же время в последнее десятилетие во многих областях возникли хоры русской песни, способствовавшие возрождению интереса к старой крестьянской песне, представшей теперь в новом, преображенном виде.

Разнообразие и пестрота музикально-фольклорной карты обусловлена, наконец, и тем, что отдельные села весьма отличаются друг от друга по интенсивности и качеству своих песенных или инструментальных традиций. Есть села «певучие», «песенные», богатые народными музыкантами, тогда как в других селах песен почти нет, и только в отдельных случаях удается понять причину подобного различия.

Учитывая все сказанное, было бы необоснованно ожидать от фольклориста — при каждом его выезде — сбора и записи песен всех видов и жанров, как неправильно было бы требовать от геолога, чтобы он привозил из каждой экспедиции руду и камни всех пород. Задача фольклориста — это прежде всего найти и собрать наиболее ценные материалы тех мест, которые он посетил, а попутно дать объективную музы-

кально-этнографическую картину данного района, то есть описать музикальный быт, раскрыв, по возможности, исторические факторы, его обусловившие.

На музикально-фольклорной карте нашего Союза еще много «белых пятен» — совсем не исследованных районов. Имея в виду только лишь русский фольклор (один из наиболее изученных), можно сказать, что, несмотря на многочисленные выезды, экспедиции, тысячи опубликованных песен, а также десятки тысяч записанных, но неопубликованных песен, мы все же многого в русском фольклоре не знаем и поныне.

Более правильно было бы сказать, что в каждой области имеются лишь отдельные пункты, в которых побывали фольклористы. Если в какой-либо области есть десяток-другой таких пунктов, эту область считают уже «изученной», а между тем и в ней сотни населенных мест остаются еще не исследованными, не говоря уже о том, что и в тех селах, где работали фольклористы, они успели только наспех зачерпнуть лопатой «песенную руду», лежащую на поверхности.

Вот почему и происходят в наши дни неожиданные открытия неизвестных песенных центров, даже в Московской области, вблизи Москвы. Нет ничего удивительного поэтому, что на полпути между Москвой и Киевом удалось открыть ценнейший и во многом новый по сохранившимся в нем материалам «брянский заповедник» русского фольклора.

* * *

Сейчас даже трудно понять былое безразличие музыкантов-фольклористов к Брянской области. Здесь были богатые историческим прошлым громадные брянские леса. Сюда, на окраину («украину») русского государства, в непроходимую глушь брянского леса убегали боярские холопы, сюда ссылали опальных людей. Здесь, наконец, на брянской земле находился «стык» расселения великоруссов, украинцев и белоруссов, а на таких стыках почти всегда можно найти особо интересный фольклор.

В довоенные годы о брянском фольклоре мы почти ничего не знали. Еще до революции была, правда, выпущена книжка П. Тиханова «Брянский говор» (СПб., 1904) с записями брянского фольклора, но нотных записей в ней не было. Для музыкантов она не представляла почти никакого интереса.

Неизвестно как долго продолжалось бы это игнорирование фольклористами брянщины, если бы сами брянцы не заявили о себе. Стимулом к первому выезду в Брянскую область послужил мой случайный разговор с молодым режиссером Ф. Марциновским, присутствовавшим весной 1939 года на районной брянской олимпиаде в качестве члена ее жюри. Среди номеров, показанных на олимпиаде, ему особенно запомнился один: небольшой сельский коллектив исполнял какую-то странную хороводную игру с припевом, в котором повторялось слово «Кострома». Рас-

сказал он и о том, что женщины — участницы этого ансамбля — как-то странно свистели и жужжали на дудочках-свистелках.

Сведения были довольно туманные и отрывочные, но я уже знал азбучное правило фольклориста: самые неясные тропинки выводят порой на удивительные места. Пренебрегать случайными, пускай неясными и неточными сведениями — значит совершасть непоправимые ошибки и пропускать замечательные материалы. В данном случае особо настораживали слова припева «Кострома, Кострома». Еще в XIX веке в разных областях были описаны редкие и интересные варианты древнего обряда «Похорон Костромы», но в них не было никакой «хороводной игры».

Мы начали с запроса в Брянский райком КПСС от имени Кабинета народной музыки Московской консерватории. Уже через 2—3 недели был получен подробный и обстоятельный ответ: райком командировал инспектора политпросвета Е. Орлову в село Дорожёво, жители которого участвовали в заинтересовавшей нас постановке. Е. Орлова тщательно записала весь текст спектакля «Кострома» и прислала его вместе с письмом (качество записи было таким хорошим, что позднее я смог ее опубликовать). Одновременно в письме сообщалось, что пьесу свою дорожевцы сопровождают игрой на кувиках. И текст «Костромы», и упоминание о кувиках глубоко заинтересовали фольклористов. Стало ясно, что перед нами запись древнего, вполне самобытного народно-театрального действия. Кувилы — это русское название флейты Пана — древнейшего духового инструмента, существовавшего у многих народов и названного так по имени греческого бога полей и стад — Пана, всегда изображавшегося с аналогичной по типу флейтой в руках. Кувилы считались позабытым инструментом у русских крестьян, и лишь в 1936 году К. В. Квитке удалось найти его в единичных селах Курской области. И вдруг сами брянцы пишут о таких же кувиках!

В марте 1940 года я выехал в Брянск (тогда районный центр Орловской области), а оттуда — в село Дорожёво, расположеннное к северу от города, недалеко от железнодорожной магистрали Жуковка — Рославль. Уже на окраине станции Сельцо началась чаща — знаменитый брянский лес. Около часа езды в заснеженном бору — и я в Дорожеве. Большое село, широко разместившееся своими «концами» и выселками, лежит посреди поля, окруженного со всех сторон зубчатой стеной соснового бора. Восточнее села, на краю поля протекает живописная речка Сенная; к югу, километрах в пятнадцати, несет свои воды полноводная Десна.

Никогда не забыть мне первой многочасовой беседы с дорожевками. Премированные недавно на районной олимпиаде за свою «Кострому», уже прослушавшие, что Москва интересуется их дедовским спектаклем, они смутно поняли его значение и решили потребовать за показ своеобразную «плату» — поездку

в Москву. «Свези нас в Москву, хотим посмотреть ее, — упрямо твердили бабы, — а то ты спишешь в свою «машинку» «Кострому», увезешь ее — и не видать нам тогда Москвы!». Это было смешно и трогательно. Несколько часов, до хрипоты уговаривал я дорожевок, что «кота в мешке не покупают»: «Покажите мне свою «Кострому», кувилы и песни. Будет интересно — вызовут вас в Москву». Только после бесконечных заверений согласились певицы показать свои сокровища и позволили записать их фонографом, предварительно прокричав хором в рупор своеобразную, тут же сыгравизированную частушку:

Хотим в Москву — развеять тоску,
Москву посмотреть, «Кострому» показать!

Наконец десверие было восстановлено. Дорожёвцы показали мне все, чем были богаты: «Кострому», игру на кувиках, песни и хороводы. С первого же вечера я понял, что попал в подлинный заповедник древнерусского народного искусства. Своеобразные исторические условия, смысл и значение которых раскрылись не сразу, надежная стена могучих лесов и ряд других причин обусловили удивительное богатство местного фольклора и сохранность в нем древних форм. «Кострома», кувилы, песни и хороводы — все это заслуживало тщательной записи и изучения. В течение трех недель, проведенных в Дорожеве, работать пришлось буквально с утра до ночи. Кроме того, много материалов дал короткий (двухдневный) выезд в соседнее село Домашёво. Там тоже была найдена «Кострома», но совсем иной вариант ее, тоже были кувилы и древние песни. Немалого внимания потребовало также изучение (разумеется, самое беглое) быта дорожевцев, местного говора. В нем сказалась близость Украины и Белоруссии, сохранились в быту и старорусские слова, давно вышедшие в других областях из употребления¹. В общем их язык великорусский, «акающего» говора. Как мне кажется, дорожёвцы этнически ближе к белорусам, нежели к украинцам. Национальных костюмов в самом Дорожеве почти не привелось видеть (женщины старшего поколения, правда, носили порой паневы). Тем более я был поражен, когда через восемь месяцев увидал дорожевцев на эстраде московского ВТО в красивых праздничных нарядах, сохранившихся еще от бабушек². Когда МАшица Васюкова (одна из лучших «игруш» села) вышла вперед и луч прожектора осветил ее крупные, словно высеченные из камня черты, невольно показалось: вот тип древней славянки, сохранившийся таким, каким он был и тысячелетие назад.

Черты древности, самобытности развития сохранились и в быту дорожевцев. Интересно, что в прошлом (согласно мест-

¹ Перечень характерных слов и выражений см. в приложении.

² Описание праздничных костюмов дорожевцев также см. в приложении и на фото.

ным рассказам) его обитатели не знали помещичьей власти¹. Испокон веков здесь были церковные земли; крестьяне, подвластные какому-то крупному монастырю (может быть, — сванско-му, около Брянска), платили ему своим трудом и продуктами за «духовную опеку». Не оттого ли в фольклоре села так сильны антицерковные настроения?

Во время работы в Дорожёве мне много раз приходилось сталкиваться со всевозможными пережитками. Из них самые яркие, свидетельствующие о самобытности культурного развития села в прошлом, — это «Кострома» и игра на кувиках.

¹ В «Списке населенных мест по сведениям 1866 г.», обработанном Н. Штиглицем (СПб., 1871), Дорожево числилось как «казенная деревня» с числом жителей более 500; Домашево — как «деревня казенная и владельческая» с числом жителей около 200.

ОБЩИЙ ОБЗОР

«КОСТРОМА»

При всем интересе, который вызывал и вызывает песенный фольклор дорожевцев и их игра на кувиках, главное внимание во время экспедиции привлекло местное «хороводное действие»— «Кострома». Счастливый случай и инициатива крестьян, вынесших свою дедовскую игру за пределы села, привели нас буквально к истокам русского народного театра, нераздельно связанного с музыкой, пением, ведущего свое происхождение от древней обрядности.

Известно, что и поныне крайне мало материалов, позволяющих изучить первоистоки русского театра. Вряд ли кого могут удовлетворить зачатки театрализации в русских хороводах, а тем более скучные и разрозненные упоминания о древнем скоморошьем искусстве. Сохранившиеся до последнего времени и изученные фольклористами народные театральные постановки типа «Лодки» (своеобразной инсценировки песни «Вниз по матушке по Волге») или «Царя Максимилиана и его сына Адольфа» были созданы, вероятно, только в последние века. Сюжет «Царя Максимилиана»¹ — наиболее популярной в XIX веке «постановки» заимствован из нерусских источников. «Кострома» же — подлинно народное хороводное действие, восходящее к глубокой, явно дохристианской эпохе. К доверию удачи, оказалось возможным изучить два варианта этого действия (в соседних селах Дорожеве и Домашеве), сходные и в то же время глубоко различающиеся по самому жанру.

Трудно забыть впечатление, произведенное домашевской «Костромой», впервые увиденной мною в избе, при слабом освещении (был март, все село покрыто снегом; обычно «Кострому» играют на улице). В памяти сразу ожили скучные описания древнегреческого хороводного театра...

¹ См. описание ярославского варианта этой пьесы в статье В. Кривоносова и Л. Кулаковского «Царь Максимилиан», «Советская музыка», 1939 г., № 7

На подстилке посреди круга («карагода») медленно, не в такт пению, движущихся женщин и девушек, лежит на спине тяжело больная Кострома, роль которой всегда исполняет девочка. Лицо больной покрыто платком. Кострома неподвижна, молчит.

Рядом с нею сидит женщина — мать Костромы или просто — «кума». Быстрыми, уверенными движениями она имитирует исконно женскую работу — обработку «прядева» (кудели) — в пряжу, а затем в холст. Одна из участниц хоровода (тоже «кума») спрашивает о здоровье Костромы. Мать Костромы отвечает. Процесс обработки прядева разбит на эпизоды, заканчивающиеся неизменным припевом хора; женщины в это время двукратно обмениваются репликами.

Глубокая серьезность характеризует как действия матери, так и ее ответы куме. Монотонная торжественность хора, неподвижно лежащая Кострома — все это придает действу характер подлинного обряда, хотя по существу оно было своеобразным театральным представлением.

Приводим полностью записанный М. И. Людоговской в селе Домашеве текст «Костромы».¹

В кругу Кострома лежит Кума сидит, другая кума ходит по кругу

1. Хоровод

Кострома, Кострома,
Государыня моя Кострома!
У Костромушки кисель с молоком,
Еще с прибылью блины с творогом.

$\text{♩} = 92$

Запевала А. МИТРОШИНА
Расшифровка И. КУЛИКОВОЙ

Ко- стро- ма, Ко- стро- ма, го- су-

да- ры- ня мо- я Ко- стро- ма! У Ко-

стро- муш- ки ки- сель с мол- ло- ком е- ще

¹ Запись М. И. Людоговской сохранена полностью, однако нами раскрыты допущенные ею сокращения, а также восстановлены повторения и дополнена пунктуация.

2-я кума. О, кума! Здоров, кума!
1-я кума. Здоровенько, кумочка!
2-я кума. Как твоя Кострома?
1-я кума. На речку ходила, пальчик отбила.

2. Хоровод

Кострома, Кострома,
Государыня моя Кострома! и т. д.

2-я кума. Здоров, кума!
1-я кума. Здоровенько, кумочка!
2-я кума. Как твоя Кострома?
1-я кума. Крепко заболела, от пальца заболела.

3. Хоровод

Кострома, Кострома, и т. д.
2-я кума. Здоров, кума!
1-я кума. Здоровенько, кумочка!
2-я кума. Жива твоя Кострома?
1-я кума. Да, жива,ходить за ней некогда, нужно прясть.

4. Хоровод

Кострома, Кострома, и т. д.
2-я кума. Здоров, кума!
1-я кума. Здоровенько, кумочка!
2-я кума. Жива твоя Кострома?
1-я кума. Да, лежит. Некогда за ней ходить. Нужно котелки мотать. Хоть бы ты мне помогла, кума.

5. Хоровод

Кострома, Кострома, и т. д.
2-я кума. Здоров, кума!
1-я кума. Здоровенько, кумочка!
2-я кума. Жива твоя Кострома?
1-я кума. Да, лежит чуть жива. Нужно сновать.

6. Хоровод

Кострома, Кострома, и т. д.
2-я кума. Здоров, кума!
1-я кума. Здоровенько, кумочка!
2-я кума. Жива твоя Кострома?
1-я кума. Да, жива. Чуть жива. Во, виши, нужно толочь. А хоть бы и ты, кумочка, помогла!
2-я кума. Ну, ладно, давай помогу.
Толкнут в ступе.

7 Хоровод

Кострома, Кострома, и т. д.
2-я кума. Здоров, кума!
1-я кума. Здоровенько, кумочка!
2-я кума. Жива твоя Кострома?
1-я кума. Да, жива. Чуть жива. Навивать кросна
нужно.
2-я кума. Ну, ладно, я тебе помогу
Навивают вместе.

8. Хоровод

Кострома, Кострома, и т. д.
2-я кума. Здоров, кума!
1-я кума. Здоровенько, кумочка!
2-я кума. Жива твоя Кострома?
1-я кума. Жива, чуть жива. Кросна стоят Да нужно
за фершалом ехать. Уже плоха совсем моя
Кострома.
Поехали за «фершалом».

9. Хоровод

Кострома, Кострома, и т. д.
«Фершала» ведут под руки.
«Фершал» Как ваша Кострома?
2-я кума. Чуть жива.
«Фершал» (осматривает) Плохо! Некому тут жить.

10. Хоровод

Кострома, Кострома, и т. д.
2-я кума. Здоров, кума!
1-я кума. Здоровенько, кумочка!
2-я кума. Ну, как твоя Кострома?
1-я кума. Да плохо. Умирает За попом надо ехать.
2-я кума. Ну, надо ехать. Поедем. Поедем!
Уезжает 2-я кума.

11 Хоровод

Кострома, Кострома, и т. д.
Под руки приводят попа.
Поп. А плоха Кострома. Надо причастить.
Причащает Кострому приподнимают

12. Хоровод

Кострома, Кострома, и т. д.
2-я кума. Здоров, кума!
1-я кума. Здоровенько, кумочка!
2-я кума. Жива твоя Кострома?
1-я кума. Чуть жива. Давай кросна убирать. Тут все
пораскидано. Как же ее положить?

13. Хоровод

Кострома, Кострома, и т. д.
Умерла Кострома.

1-я кума (*начинает, а хор подтягивает*).
А свет же моя Кострома, ой свет государыня моя!

Пела А. МИТРОШИНА
Расшифровка И. КУЛИКОВОЙ

Ой, свет ты моя, Кострома-ма, ой
свет(ы) го-су-да-ры-ня мо-я! (ах!)

1-я кума. Давай, кумочка, хоронить!

Собираются вместе, поют:

«Со святыми упокой...»

Плачут, несут, поп кадилом машет, «дьячат».

Привожу также более подробный конец дорожевской «Костромы» в своей записи.

Хоровод

Кострома, Кострома, и т. д.

Кума. Здорово, кума!

Мать.¹ Здоровенько!

Кума. Живая твоя Кострома?

Мать. А во, приобщили, хоронить надо.

Кума. Кончилась?

Мать. Да, покончилась.

Хоровод

Кострома, Кострома, и т. д.

Кострому поднимают и несут. Мать разбрасывает кросна и причитает.

Мать. Ой, свет ты моя Кострома,

Ой, свет (ы) государыня моя! (ах!)

Кострому несут на кладбище хоронить. Кладут на землю. Хор поет:
«Со святыми упокой...» — по церковному чину.

Само собой разумеется, что при отсутствии твердо установленного текста варьируется каждое исполнение. Это относится к форме вопросов и ответов, к пропускам некоторых эпизодов и слиянию их.

Домашевская «Кострома» игралась весной, в праздничные или воскресные дни (в 1939 году только раз, в день выгона скота).

¹ В моей записи 1-ю куму, сидящую возле умирающей Костромы, называли «матерью».

Содержание домашевской «Костромы» не оставляет сомнений в том, что перед нами — остатки древнего обрядового театрализованного действия. Смысл обряда давно забыт, в связи с чем в «Кострому» проникли позднейшие мотивы, уже не языческого, а христианского происхождения, как например, причащение, соборование умирающей Костромы и отпевание ее с обычными заупокойными песнями.

Помимо смысла древней обрядности, лежащей в основе сохранившегося до наших дней действия, внимание привлекает также и развитая театральная форма домашевской «Костромы». В 1940 году нам удалось увидеть древнейшую фазу развития театра, только что «вылупившегося» из недр театрализованного обряда, — фазу, известную по истории древнегреческого театра (на заре его существования), по-видимому именно ту, которую застал в Элладе первый гений этого театра — Эсхил, — существовавшую почти 3 тысячи лет назад!¹

Здесь были все составные элементы древнегреческого театра; «карагод» домашевцев — очевидный гомолог хора древнегреческой трагедии, совмещающий в себе идеального зрителя, вмешивающийся в то же время в действие. «Мать» безгласной Костромы была первой актрисой этого театра, протагонисткой — по терминологии древних эллинов.

Окостеневшая форма древнеязыческой обрядности сохранилась в Домашеве до наших дней, но особой популярности в этом селе не имела (многие жители Домашева ничего не слыхали о ней). Театрализованный обряд сохранялся по инерции, и, видимо, находился в закатной фазе своего существования.

Тем более показательно и интересно, что в пяти километрах от Домашева — в Дорожеве — та же «Кострома» оказалась в корне переработанной в ином, комедийном направлении и превратилась в самобытную хороводную комедию, с давних времен широко популярную и любимую во всем селе. Эту «Кострому» дорожевцы и решили показать на районной олимпиаде, озадачив членов жюри и одновременно очаровав их «простотой подачи и искренностью, творческой инициативой» (из постановления жюри олимпиады, премировавшего дорожевцев)

Вот текст «Костромы» села Дорожева.

1 Хоровод
Кострыма, Кострыма,
Государыня мыя Кострыма!
У Костромушки кисель с молоком,
У Костромушки былины с творогом²

¹ Проводя здесь и в других местах аналогии с искусством древних эллинов, мы, конечно, далеки от мысли устанавливать генетическую связь, преемственность между их искусством и народно-русским.

² После первого круга хоровод останавливается и стоит неподвижно до конца постановки.

Запевала Е. СИМОНОВА

Расшифровка И. КУЛИКОВОЙ

Хор (Запись 1940 г.)

Одна

Хор

Ко_стры - ма, Ко_стры - ма, го_су_да_ры - ня мы - я
Хе_р (выкрики) Ух! Ух! Ух! Ух! Ух! Ух! Ух!

Все

Ко_стры - ма! у Ко_стро - му_ шки ки - сель с мо - ло - ком,
(хлопки)

у Ко_стро - му_ шки бы - ли - ны с тво - ро - гом.
Здорово, Кострома! — Здоровенка! — Что ты делаешь? — Я делаю —
красна вытикала, хотела победить, да и зъболела.

Хор

Одна

Ко_стры - ма, Ко_стры - ма, го _ су _ да _ ры -
Одна _{af} Ух! Ух!

Хор

— ня мы - я Ко_стры - ма! У Ко_стро - му_ шки ки - сель
Ух!
с мо - ло - ком, у Ко_стро - му_ шки бы - ли - ны с тво - ро - гом,

Расшифровка Е. ГИППИУСА

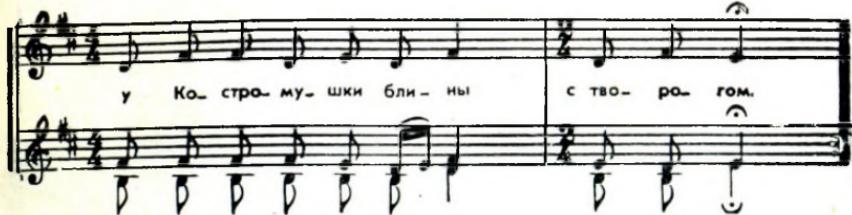
(Запись 1953 г.)

Одна (запевала)

Двое

Ко_стро - ма, Ко_стро - ма, го_су_да_ры - ня мо - я
Все

Ко_стро - ма! у Ко_стро - му_ шки ки - сель с мо - ло - ком,

Одна из хоровода. Здорово, Кострома!¹
Кострома (*сидя на подстилке в середине хоровода*).
Здоровенька!

Одна. Что ты делаешь?

Кострома. А делаю—начинаю прядево брать.

2. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.
Одна. Здорово, Кострома!

Кострома. Здоровенька!

Одна. Что ты делаешь?

Кострома. А начинаю прядево подвязывать.
Подвязывает.

3. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.
Одна. Здорово, Кострома!

Кострома. Здоровенька!

Одна. Что ты делаешь?

Кострома. А начинаю прядево обтирать.
Обтирает.

4. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.
Одна. Здорово, Кострома!

Кострома. Здоровенька!

Одна. Что ты делаешь?

Кострома. Хочу прядево заливать.

5. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.
Одна. Здорово, Кострома!

Кострома. Здоровенька!

Одна. Что ты делаешь?

Кострома. Прядево залила, прядево мое улежалося,
хочу оттаскать прядево с сажалки.

¹ Во время пения гласные деформируются более отчетливо, чем во время обычного произнесения слова; в пении (1940 г.) явственно звучало «Кострыма», а во время обмена репликами—«Кострома»; ы звучало мягко, по-украински — нечто среднее между и и й.

6. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.

Одна. Здорово, Кострома!

Кострома. Здоровенька!

Одна. Что ты делаешь?

Кострома. А прядево вытащила, хочу сушить.

7. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.

Одна. Здорово, Кострома!

Кострома. Здоровенька!

Одна. Что ты делаешь?

Кострома. Хочу прядево мять.

Мнет прядево.

8. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.

Одна. Здорово, Кострома!

Кострома. Здоровенька!

Одна. Что ты делаешь?

Кострома. А прядево помяла, хочу тереть.

9. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.

Одна. Здорово, Кострома!

Кострома. Здоровенька!

Одна. Что ты делаешь?

Кострома. А хочу прядево потерши, мычки мыкать.

10. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.

Одна. Здорово, Кострома!

Кострома. Здоровенька!

Одна. Что ты делаешь?

Кострома. Мычки помыкала, хочу попрядуху собирать.

11. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.

Одна. Здорово, Кострома!

Кострома. Здоровенька!

Одна. Что ты делаешь?

Кострома. А во, попрядуху собрала, прядем.
Прядет.

12. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.

Одна. Здорово, Кострома!

Кострома. Здоровенька!

Одна. Что ты делаешь?

Кострома. Попрядуху попряла, хочу кателки¹ мотать

¹ «Кателки» — клубки.

«Кострома» в Москве.
Кострома и Невестка «ткут» на кроснах

Фото С. Шингарева, 1940 г.

«Кострома» в Москве.

«Во имя овса и сена святого Хоботья!»

Кострома — А. П. Васюкова, Поп — Н. А. Алешин, Муж Костромы —
А. В. Зенкин, Невестка — Е. Ф. Симонова.

Фото С. Шингарева, 1940 г

13. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.
Одна. Здорово, Кострома!
Кострома. Здоровенька!
Одна. Что ты делаешь?
Кострома. А котелки помотала, хочу вешать.

14. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.
Одна. Здорово, Кострома!
Кострома. Здоровенька!
Одна. Что ты делаешь?
Кострома. Пряжу повесала, хочу сновать.

15. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.
Одна. Здорово тебе, Кострома!
Кострома. Здоровенька!
Одна. Что ты делаешь?
Кострома. А начинаю сновать.

16. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.
Одна. Здорово, Кострома!
Кострома. Здоровенька!
Одна. Что ты делаешь?
Кострома. А сновала, посчитать хочу, сколько насновала.

Взвешивает пряжу.

17. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.
Одна. Здорово, Кострома!
Кострома. Здоровенька!
Одна. Что ты делаешь?
Кострома. А посчитала, 12 пасов находила.

18. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.
Одна. Здорово, Кострома!
Кострома. Здоровенька!
Одна. Что ты делаешь?
Кострома. Хочу пряжу снимать.

19. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.
Одна. Здорово, Кострома!
Кострома. Здоровенька!
Одна. Что ты делаешь?
Кострома. Сновала, хочу пряжу навешать сколько сошло.

20. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.
Одна. Здорово, Кострома!

Кострома. Здоровенька!

Одна. Что ты делаешь?

Кострома. Я пряжу навешала, 10 фунтов сошло.

21. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.

Одна. Здоровово, Кострома!

Кострома. Здоровенька!

Одна. Что ты делаешь?

Кострома. Хочу пряжу обваривать

22. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.

Одна. Здоровово, Кострома!

Кострома. Здоровенька!

Одна. Что ты делаешь?

Кострома. Хочу пряжу толочь.

Толчет палками.

23. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.

Одна. Здоровово, Кострома!

Кострома. Здоровенька!

Одна. Что ты делаешь?

Кострома. Пряжу потолкла, хочу вешать, сушить.

24. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.

Одна. Здоровово, Кострома!

Кострома. Здоровенька!

Одна. Что ты делаешь?

Кострома. Хочу навевать кросна.

25. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.

Одна. Здоровово, Кострома!

Кострома. Здоровенька!

Одна. Что ты делаешь?

Кострома. А во, с молодкою прибираю кросна.

26. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.

Одна. Здоровово, Кострома!

Кострома. Здоровенька!

Одна. Что ты делаешь?

Кострома. Хочу узлы завязывать.

27. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.

Одна. Здоровово, Кострома!

Кострома. Здоровенька!

Одна. Что ты делаешь?

Кострома. Хочу затыкать.

28. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.
Одна. Здорово, Кострома!
Кострома. Здоровенька!
Одна. Что ты делаешь?
Кострома. А заткала, так что-то зев плох.

29. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.
Одна. Здорово, Кострома!
Кострома. Здоровенька!
Одна. Что ты делаешь?
Кострома. Ну, наладила, зев ништо.
Ткёт.

30. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.
Одна. Здорово, Кострома!
Кострома. Здоровенька!
Одна. Что ты делаешь?
Кострома. А во, доткала только сичас.

31. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.
Одна. Здорово, Кострома!
Кострома. Здоровенька!
Одна. Что ты делаешь?
Кострома. А хочу подрубливать холста.

32. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.
Одна. Здорово, Кострома!
Кострома. Здоровенька!
Одна. Что ты делаешь?
Кострома. А хочу поколотить холста.
Вдвоем с Невесткой колотят палкой о палку.

33. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.
Одна. Здорово, Кострома!
Кострома. Здоровенька!
Одна. Что ты делаешь?
Кострома. А во, поколотила холста, постлала.
Расстилает тряпки.

34. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.
Одна. Здорово, Кострома!
Кострома. Здоровенька!
Одна. Что ты делаешь?
Кострома. А теперича все поделала, хочу пообедать.
Отправляет Невестку.

35. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.

Одна. Здоровово, Кострома!

Кострома. Здоровенька!

Одна. Что ты делаешь?

Кострома. Хочу обедать, проводила молодку
у кабак по вино.

Молодка и Муж приносят еду и вино.

36. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.

Одна. Здоровово, Кострома!

Кострома. Здоровенька!

Одна. Что ты делаешь?

Кострома. А принесла во молодка полштофа¹ вина,
хочу выпить и пообедать.

Втроём едят и пьют.

37. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.

Одна. Здоровово, Кострома!

Кострома. Здоровенька!

Одна. Что ты делаешь?

Кострома. А, пообедала, хочу отдохнуть.
Ложится, потом начинает стонать.

38. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.

Одна. Здоровово, Кострома!

Кострома. Здоровенька!

Одна. Что ты делаешь?

Кострома. А во, пообедавши и отдыхать легла,
да и захворала.

Дальше за Кострому отвечает Невестка, помогающая лечить Кострому
и суетящаяся около нее.

39. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.

Одна. Здоровово, Кострома!

Невестка. Здоровенька!

Одна. Что ты делаешь?

Невестка. А во, мать захворала, не знаю, что мне
теперь делать. Посыпает меня мать в Ко-
мягин к деду².

40. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.

¹ Как разъяснила А. П. Васюкова, так говорили раньше, теперь — «пол-литра».

² По рассказам, Комягино — село, где жил популярный в Дорожеве злахарь (в Жирятинском районе, километрах в 40 от Дорожева).

Одна. Здорово, Кострома!

Невестка. Здоровенья!

Одна. Что ты делаешь?

Невестка. Приехал батя, деда дома нет. А мать совсем плоха, за хвершалом поехали.

Кто-нибудь из хоровода едет на палке за «фершалом». Приезжает Фельдшер.

Фельдшер. Чем больна?

Кострома. Болит сердце и воспаление легким.

Фельдшер (*выслушивает больную*). Чего тебе так скверно стало?

Кострома. Трудно я работала, поэтому я себе болесть трудную достала.

Фельдшер дает порошок и уезжает.

41. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.

Одна. Здорово, Кострома!

Невестка. Здоровенья!

Одна. Что ты делаешь?

Невестка. А привезли хвершала, матери не лучше, все бьется. Что мне теперь делать? А думаю теперь причастить матерью, за попом послать.

Едут за попом.

42. Хоровод

Кострыма, Кострыма, и т. д.

Привозят попа.

Одна. Здорово, Кострома!

Невестка. Здоровенья!

Одна. Что ты делаешь?

Невестка. А во, привезли батюшку, хочет матерь поисповедовать.

Поп. Раба, кайся грехами.

Кострома. Ну что ж, раскаюся, чем я грешна. Как начала я грешить с конца¹ и грешила до конца. Чужих мужиков любила. Грешная я, батюшка, хочу грехи замолить.

Поп (*причаща*). Как звать?

Кострома. Хоботья.²

Поп. Во имя овса и сена и святого Хоботья, аминь!

Кострома встает и начинает плясать под песню хоровода.

¹ То есть «сначала».

² Иногда: «Ох, зовут меня Хоботья Аксеновна».

КАК НА ГОРКЕ, НА ПРИГОРКЕ

Запевала Е. ВАСЮКОВА
Раэшифровка И. КУЛИКОВОЙ
(Запись 1940 г.)

Умеренно

Одна

$\text{J} = 72$

Как на горке, на пригорке, как на горке,
на пригорке, Все барыня ты моя, сударыня ты моя,
на пригорке 2. Рассыпали ханаборылки,
рассыпали ханаборылки, барыня ты моя,
сударыня ты моя, на гор(ы)ке 3. Как у Ка-ти
муж гуляя, как у Ка-ти муж гуляя,
Свист барыня ты моя, сударыня ты моя,
муж гуляя 4. Муж гуляя, зашивака,
муж гуляя, зашивака, барыня ты моя,
сударыня ты моя, зашивака.

- Как на горке, на пригорке.¹
 Барыня ты моя,
 Сударыня ты моя,
 На пригорке.
- Рассыпали ханаборки.
 Барыня ты моя,
 Сударыня ты моя,
 На горыке.
- Как у Кати муж гуляка.
 Барыня ты моя,
 Сударыня ты моя,
 Муж гуляка.
- Муж гуляка, запивака.
 Барыня ты моя,
 Сударыня ты моя,
 Запивака.
- День он пьет, два гуляет.
 Барыня ты моя,
 Сударыня ты моя,
 Два гуляет.
- И про Катюшу забывает.
 Барыня ты моя,
 Сударыня ты моя,
 Забывает.
- И где он денежки девает?
 Барыня ты моя,
 Сударыня ты моя,
 Он девает.
- Он солдаткам отдавает.
 Барыня ты моя,
 Сударыня ты моя,
 Отдавает.
- Приходил милой не рано.
 Барыня ты моя,
 Сударыня ты моя,
 Да, не рано.
- Приносил тебе не мало.
 Барыня ты моя,
 Сударыня ты моя,
 Ен, не мало.
- Нельзя с милым поцалуиа.
 Барыня ты моя,
 Сударыня ты моя,
 Поцалуиа.
- Ен не мало, три кармана.
 Барыня ты моя,
 Сударыня ты моя,
 Три кармана.
- Первый карман с орехами.
 Барыня ты моя,
 Сударыня ты моя,
 С орехами.
- Другой карман с виноградом.
 Барыня ты моя,
 Сударыня ты моя,
 С виноградом.
- Третий карман с калачами.
 Барыня ты моя,
 Сударыня ты моя,
 С калачами.
- От орехов зубы ломят.
 Барыня ты моя,
 Сударыня ты моя,
 Зубы ломят.
- С винограда пьяна буду.
 Барыня ты моя,
 Сударыня ты моя,
 Пьяна буду.
- А от булок пузо дует.
 Барыня ты моя,
 Сударыня ты моя,
 Пузо дует.
- Оно дует, поддувает.
 Барыня ты моя,
 Сударыня ты моя,
 Поддувает.
- Э, выше носа подымает.
 Барыня ты моя,
 Сударыня ты моя,
 Подымает.
- Нельзя обуца, ни разуца,
 Барыня ты моя,
 Сударыня ты моя,
 Ни разуца.

¹ Далее первая строка каждого куплета исполняется дважды.

Запевала М. Ив. ВАСЮКОВА
Расшифровка М. ЧЕРЕМУХИНА
(Запись 1953 г.)

Живо

Все

The musical score consists of six staves of music in G major, 2/4 time. The vocal parts are labeled 'Одна' (soprano) and 'Все' (ensemble). The lyrics are written below the notes. The first two staves show the soprano part: 'Как на - гор - ке, на при-гор-ке,' and 'на при- гор- ке, ба- ры- ня ты мо- я,' followed by a repeat sign. The third staff continues with 'су- да-ры-ня ты мо- я.' The fourth staff begins with 'На при- гор- ке,' followed by 'На Уйт.д.' (likely a recording note). The fifth staff has 'на при- гор- ке, на гор- ке,' and the sixth staff concludes with 'на при- гор- ке, на гор- ке, ба- ры- ня ты мо- я, су-да-ры-ня ты мо- я.'

1) V — ритмический свист

Самого общего ознакомления с текстом дорожевской «Костромы» достаточно, чтобы увидеть ее отличие от домашевской. Сохраняя общий «производственный» костяк действия, дорожевский вариант в то же время имеет совсем иной, комедийный характер.

Древний обряд, контуры которого так отчетливо видны в домашевской «Костроме», здесь переработан в широко развернутую хороводную комедию.¹ Переработка эта достигла своей цели — в комедийном переосмыслении «Кострома» завоевала в селе широкую популярность. В течение многих десятилетий (а может быть, и столетий) она оставалась одним из самых любимых сельских развлечений. Вот свидетельство жительницы села, учительницы М. И. Людоговской, выдавшей в Дорожеве «Кост-

¹ Полные тексты двукратных записей домашевской и дорожевской «Костромы» с детальным описанием этой народно-театральной постановки были опубликованы в статье «Кострома», в журнале «Советская этнография», 1946, № 1.

рому» в двадцатых-тридцатых годах¹. «Настала весна в Дорожеве, не совсем сошел еще снег; раньше всего просохло на площади, где школа. Сейчас же молодежь двинулась сюда гулять, хороводы водить. Тут я увидела и длинную хороводную игру «Кострому». Исполняется она в Дорожеве часто, но все-таки не в простой рядовой праздник — воскресенье, а в большие, чаще религиозные весенние и летние: «Вознесенье», «Николу», «Духов день», «Илью», «Петров день», «Казанскую» и «Фролов день».

Старейшие жители села помнят «Кострому» уже лет 50, и всегда она пользовалась шумным успехом, равно привлекательная и для старых и для малых.

«Когда собираются играть в «Кострому», — писала М. И. Людоговская, — стоном стонет тогда вся деревня. Водят хоровод до 100 человек, кругом все живые и полуживые собираются».

Сравнение объема текстов домашевской и дорожевской «Костромы» также доказывает большую популярность дорожевского варианта, сохранившего свыше 40 эпизодов, против 8—13 эпизодов в Домашеве.

* * *

Внимательное изучение обоих вариантов брянской игры в «Кострому», сопоставление их с известными в фольклористике вариантами сходных игр и обрядов позволяет установить значение их как для изучения первых этапов развития народного театра, так и для осознания древнего смысла обрядности, некогда породившей игру в «Кострому». Мы должны начать с установления того нового, что вносят записанные нами варианты в понимание соответствующей древнерусской обрядности.

¹ После экспедиции я опубликовал в местной прессе («Орловской Правде» — Орел и «Сталинской Правде» — Брянск) несколько статей. Ознакомившись с ними, бывшая учительница дорожевской школы М. И. Людоговская написала мне письма, в которых сообщала много ценных и интересных сведений о «Костроме», использованных в той же статье в «Советской этнографии».

ОБРЯДОВЫЕ КОРНИ ИГРЫ В «КОСТРОМУ»

И в Дорожеве и в Домашеве полностью позабыт ритуальный смысл игры в «Кострому». Однако восстановить его крайне заманчиво. Фольклористам давно уже известен ряд вариантов древнего обряда «Похорон Костромы», а также варианты детской игры в «Кострому», записанные в целом ряде областей. (На Украине была записана сходная игра в «Кострубонька».)

Брянские варианты содержат немало общих моментов с описанными ранее; это доказывает, что они идут от общего обрядового корня. Вместе с тем и дорожевский и домашевский варианты содержат много оригинальных, ранее вовсе неизвестных, деталей явно архаического происхождения; они мало понятны с точки зрения ранее предложенных объяснений этого театрализованного обряда.

Для разных вариантов «Похорон Костромы» общим было изготовление соломенного чучела Костромы и затем его торжественные похороны, особенно подробно описанные в бывшем Муромском уезде Владимирской губернии.¹ Обычно чучело относили на берег реки или пруда. Там с него срывали одежды и с песнями бросали в воду, иногда при сопротивлении части играющих, «заступавшихся» за Кострому. На широко театрализованных «Похоронах Костромы», описанных в Самарском уезде (к сожалению, очень неполно и неумело), роль Костромы исполнял переодетый парень. Смерть — другой переодетый парень — убивала Кострому, ударив по ней сухой веткой, и победоносно садилась ей на грудь. «Убитую» и Смерть относили к берегу (с пением припева, уже знакомого по брянским вариантам) и бросали в воду. Сходные обряды описаны под названием «Проводы Русалки». Все эти варианты очень явственно напоминают к о-

¹ Е. Добрынина. Обычай хоронения Костромы в Муромском уезде. «Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете», т. XIII, вып. 1, 1877, стр. 100.

нечто домашевской «Костромы» — отпевание и похороны.

На Украине были описаны варианты похожих обрядов, в которых Кострома заменена мужским образом Кострубонька.

Известна, наконец, песня, записанная в Муромском уезде, содержание которой сходно с показываемым в Дорожеве действом (подробнее об этой песне см. стр. 37).

Таким образом, в самых разных концах Руси существовала обрядность, связанная с именем Костромы, умирающей (или уже мертвой), торжественно хоронимой, бросаемой в воду. На этой основе позднее возникали детские игры.

Брянские варианты, неотделимые от этой обрядности, одними чертами похожи на традиционные похороны Костромы, другими — на детскую игру в «Кострому».

Детские игры в «Кострому» сохранили детали, напоминающие оба брянских варианта. В них всегда присутствует хоровод, больная Кострома (девочка); неоднократно повторяется обмен репликами о здоровье Костромы — Кострома заболела, пальчики отбивши. Кострома все хуже, она умирает. Вдруг Кострома вскакивает и ловит подруг. Пойманная в свою очередь ложится посреди круга, изображая больную Кострому, и игра начинается снова.

Пение в детских играх большей частью отсутствует.¹

Брянские варианты доказывают, что все известные на Руси формы «Похорон Костромы», игры в «Кострому» и песни о Костроме, порою различные по содержанию, восходят к одному источнику, одной древней обрядности.

Изучение брянских вариантов дает право предполагать, что они, объединяя хоровод, диалог и похороны умершей Костромы, являются относительно полной формой былой обрядности, лучше сохранившейся и наиболее точно воспроизводящей древний позабытый ритуал. Архаические детали музыкального быта Дорожева и Домашева, как например кувиды, косвенно также подтверждают этот вывод.

¹ Как удалось узнать у И. П. Пономарькова, в аналогичной игре в «Кострому», бытовавшей в 1891—92 гг. в селе Поим бывшей Пензенской губернии, детский хоровод пел свой припев: «Костромушка-Кострома ненадолго нажила, у Костромушки на головушке золотой венец». Мелодия была следующая:

Костромушка,
не на-дол-го
У Костро-

Кострома,
на жи-ла,
муш-ки (и т. д.)

См. также П. Шейн, Великорус., вып. I, текст 1261. Спб., 1898).

Возникает вопрос: как расценить одну из особенностей брянских вариантов «Костромы» (до сих пор не встречавшуюся ни в одной записи) — детальную имитацию «производственного процесса» — показ обработки прядева (кудели) в холсты? Является ли она органичной частью древней обрядности или продуктом более поздней исторической эпохи?

Сkeptики могут указать на возможность того, что «производственный процесс» — результат позднейшей контаминации (механического объединения) обряда «Похорон Костромы» с одним из старинных русских хороводов — игрой «Уж я сеяла ленок, приговаривала». В этой игре, как известно, имитируются все этапы посева льна, его выдергивание, добывание кудели и переработка в пряжу, холсты.

Ряд соображений заставляет, однако, отвергнуть предположение об объединении обряда с хороводной игрой.

Прежде всего дорожевцы рассказали мне, что в прошлом по старинному, только недавно оставленному обычаяу подстилкой для больной Костромы служил обязательно ворох костры, кострики (разломанных стеблей — отходов льна при получении из него кудели, прядева). Этот факт освещает непонятный смысл обряда с «производственным» процессом обработки прядева в холсты. Кострома — олицетворенная костра. Костра — это сор, раздробленные «кости» растения, «убивая» которое, добывали волокно-прядево. Видимо, поэтому кострой в иных местностях стали называть некоторые сорняки («сор») в зерновом хлебе.

А если Кострома — олицетворение костры, тогда все объясняется весьма просто: перед нами древняя «искупительная жертва» духу растительности, льна. «Кости» убитого растения (костра, олицетворенная в образе Костромы) торжественно облекались в одежды и так же торжественно хоронились. Возможно, что в далеком прошлом процесс «обработки прядева» приближался к реальному. Из прядева (отделенного от костры) тут же изготавливались холсты, в которые облекалась Кострома; вновь воссоединялось прядево с куделью и земледелец демонстрировал, для чего ему необходимо было убить растение. Искупительным обрядом он отвлекал от себя гнев духа за убийство растения и обеспечивал в будущем новый урожай, бросая Кострому в источник жизни — воду.

Здесь следует напомнить и о древнем магическом значении, которое приписывалось нашими предками обыденным полотенцам, холстам, изготовленным с ритуальной целью в один день («коб один день»).¹

Не мешает вспомнить и о том, что полотенца, ткани, как и процесс их изготовления, в древности были магиче-

¹ А. Афанасьев («Поэтические воззрения славян на природу», т. III. М., изд. К. Солдатенкова, 1869 г., стр. 726) производил слово «Кострома» именно от сорняков хлеба.

скими, служили оберегами от злых духов, мора (смерти).¹ Изготовление обыденной ткани еще недавно (в XIX веке) было в Вологодской губернии традиционным обрядом девушек, желающих выйти замуж; обряд этот совершался на «Девятую Пятницу», на «Икону Покрова».² Наконец, по древним поверьям, русалкам (тем же духам воды и плодородия) надо было давать трялки, ткани, чтобы они могли облачиться в них.

Все это — смутные отзвуки древнейших поверьй, некогда объединенных в общее ритуальное действие; оно, возможно, занимало целый день, в течение которого из прядева изготавлялась обыденная — волшебная ткань, и Кострома, облаченная в нее, торжественно опускалась в воду. В известных вариантах «Похорон Костромы» воспроизводился только финал обряда, а в брянской «Костроме» (в особенности в домашевской) сохранился «силуэт» всего древнего ритуального действия: той его стадии, когда подлинное изготовление обыденных тканей было уже заменено имитацией этого утомительного процесса.

Косвенным подтверждением существования обрядности, связанной с обработкой льна, служит аналогичная обрядность хлебопашцев: обычай «завивания ржи», установка хлеба в углу еще несжатого поля. При этом, как известно, тоже присыпалась искупительная жертва ржи или пшенице, «убиваемой» жницами. Установка хлеба в несжатом углу поля, принесение хлеба в жертву вполне соответствовало одеванию Костромы в ткани. Нужно иметь в виду, что хлеб — такой же конечный продукт производства, как и холст, ткань, поспешно изготавляемая во время брянской игры в «Кострому».

В процессе изучения «Костромы» удалось найти ряд косвенных доказательств того, что сохранившийся «производственный процесс» был органической частью обрядности, а не механическим соединением с хороводной игрой «Уж я сеяла ленок»: в этом хороводе, как и во всякой хороводной игре, дело начиналось с имитации посева льна. В брянских же играх производственный процесс начинается с момента получения прядева, когда стебли льна уже раздавлены и разделены на прядево и костру. Именно в этот момент появляется костра — Кострома — и, разумеется, тяжело больная.

Другим косвенным доказательством связи имени Костромы с кострой³ является наличие у Костромы второго имени в дорожевском варианте — Хоботья Аксеновна.⁴ Имя это то

¹ Н. Гаген-Торн. Доклад «Обрядовые полотенца у народов Восточной Европы» в Ин-те Этнографии АН СССР 10/VII 1946 г. Об обыденных (изготавливаемых в один день) полотенцах см. у Д. Зеленина «Обыденные полотенца и обыденные храмы», «Живая старина», вып. 1, 1911.

² А. Афанасьев, цитир. работа. т. I, стр. 237.

³ Лингвистов смущает окончание ма, но ведь украинский Кострубонько не имеет этого окончания, а корень слова здесь тот же — костр.

⁴ Что касается отчества Костромы (Аксеновна), то возникает пред-

же до сих пор не встречалось ни в одном из описаний «Похорон Костромы». Из словаря Даля мы узнаем, что хоботье в Орловской, Смоленской и Курской областях означало мякину, то есть продукт вполне аналогичный костре — шелуху, отруби хлеба (при отсеивании зерна мякина ложится хвостом — хоботом¹ по другой стороне веялки). Быть может, в древности костра и хоботье было синонимы. Имя Хоботья указывает и на переплетение льноводческой обрядности с хлебопашеской (как известно, игра в «Кострубонька» более ощутимо связана именно с хлебопашеской обрядностью). Надо напомнить, что кострою, в свою очередь, стали называть сорняки хлебов.

Такое же переплетение «зерновой» обрядности с «льноводческой» можно было заметить и в других остатках местных поверий. Играть на кувиках старики разрешали, по одним данным, лишь тогда, когда зацветает рожь,² а по другим — с «Десятой Пятницы», — праздника, связанного в прошлом с культурой льна. Параскева-Пятница — народная покровительница льна, прядения, заменившая, видимо, в эпоху утверждения христианства позабытую ныне языческую покровительницу льна, какую-нибудь Берегиню или Ладу (древнее имя языческой богини, покровительницы льна, пряжи, переименованной в св. Параскеву-Пятницу, остается пока не уточненным).³

Детали культа Параскевы-Пятницы свидетельствовали, что святая эта отчетливо заменила собою языческую покровительницу льноводства, льна. Сам облик этой святой напоминал о льне, о кудели: роль Пятницы исполняла женщина с распу-

положение: не является ли имя Аксен христианским переосмыслением слова Авсень, Овсень и не напоминает ли последнее слово о культуре овса. (ср. формулу попа: «Во имя овса и сена и святого Хоботья!»).

¹ «Хобот» по-старорусски — хвост.

² По сведениям Н. Ф. Сумцова («Культурные переживания», изд. ред журн. «Киевская старина», Киев, 1890), в бывшей Черниговской губернии играть на кувиках разрешали с посева гречихи — «Кулинок» (26 июня).

³ «Берегини» — древнейшие русские женские божества, известные из летописей. Слово «берегиня» происходит, повидимому, или от «берегу» (духов, охраняющих человека), или от «берег» (духов, живущих на берегах рек).

Русалки, с их зелеными пышными волосами, видимо, были в глубокой древности духами растительности, в частности, покровительницами обработки льна. «Русалки, — писал Д. Зеленин, — вообще имеют близкое отношение ко льну». («Очерки русской мифологии», вып. I, П., 1916, стр. 273.). Характерны поверья о том, что русалки вечно просят у людей сорочки; с этим связан обычай жертвовать им материи, тряпки (кстати, тряпки в Воронежской губернии назывались хоботьем).

Лада — женское божество, чествовавшееся весною, в пятницу. Видимо, именно она была языческой богиней, позднее, с распространением христианства переименованной в Параскеву-Пятницу.

В разных местностях и в разные эпохи основное женское божество наших предков имело, несомненно, разные названия. Общий смысл связанных с ним поверий и обрядности сохранялся, вероятно, более стойко (разумеется, с изменением форм сельскохозяйственной деятельности, постепенно меняясь и он).

щенными волосами. По характерному поверью крестьянке, нарушившей главный запрет этого культа — не прядь, не ткать по пятницам, Параскева-Пятница явилась в виде женщины, одетой в белые льняные одежды и кинула ей в лицо горсть кострики (костры)¹. Праздник Пятницы — «общерусский народный праздник» — совершился недаром всегда у воды², то есть там же, куда относили и Кострому!

Не могу попутно не привести здесь следующее замечание академика Б. Грекова о древнем празднике Лады («Фомином воскресеньи»): «В честь Лады праздновалась и Пятница — обычай, долго сохранявшийся на Украине, где недельным праздничком было еще в XVI веке не воскресенье, а именно пятница, откуда и почитанье в русском народе св. Параскевы-Пятницы»³.

То, что нынешний припев многих песен — ладо — мог, действительно, иметь в древности значение имени какого-то духа, силы, божества, подтверждается, между прочим, и записанным мною в Рязанской области припевом весенней песни «Э-ой, чья-й то пашня пахана!» (вариант песни «А мы просо сеяли»). Вместо обычных в этом припеве слов «Ой, Дид Ладо» звучали странные, непонятные самим певицам — «Вери младу!». Нетрудно узнать в них древний обрядовый возглас: «Верим Ладу!»⁴.

Известный припев той же песни («Ой, Дид Ладо, сеяли, сеяли») указывает на мужской характер божества; это не исключает мнения о существовании параллельного женского образа Лады. И если слово Дид (дед) намекает на культ Рода — культ предков, то Лада, если соответственно отнести ее к этому же культу, будет одним из имен Рожаницы. Нет оснований божествам родового культа — покровителям плодородия семейного противопоставлять духов плодородия всей земли, покровителей растительности, в частности одного из важнейших для женщины сельскохозяйственного растения — льна.

Как нам кажется, изучение брянских вариантов приводит к данному выше объяснению их происхождения. Кроме того, оно заставляет отказаться от распространенного взгляда на похороны Костромы как на «проводжение весны»⁵ или же признать, что «проводжение весны» — позднейшее переосмысление древней льноводческой обрядности.

Следовательно, изучение столь хорошо сохранившихся брянских вариантов игры в «Кострому» дает право заключить: «Кост-

¹ А. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. I, 1865, стр. 233.

² Д. Зеленин. Цитир. работа, стр. 233.

³ Б. Греков. Киевская Русь, изд. 4. Госполитиздат, 1953, стр. 396.

⁴ Л. Кулаковский. Музикально-этнографические заметки, «Советская музыка», 1940, № 8.

⁵ Таково обычное, традиционное объяснение «Похорон Костромы». В некоторых вариантах обряда (например, очень интересном самарском варианте) объяснение это весьма убедительно; оно опиралось как будто и на мнение самих участников игры.

рома» в глубокой, дохристианской древности была широко развитым и разработанным сельскохозяйственным обрядом, тесно связанным с основной женской работой — с культурой льна, изготавлением из него холстов¹. Глухие отзвуки этой древней обрядности записаны во многих областях. Не дает ли это право предполагать ее широкое распространение в прошлом?

Изучение брянских вариантов приводит также к выводу: само ритуальное действие было длинным и детально разработанным. Это позволяет установить смысл обрядности и ее связь с очень многими разрозненными поверьями.

Возникает вопрос: почему именно в Брянском районе в середине XX века удалось найти такие полные варианты древней обрядности?

Замкнутость брянщины, глухая стена знаменитых брянских лесов, издавна служивших надежной защитой всем беглым людям, холопам, дает ответ на этот вопрос. Сохранность в обследованных селах архаичной игры на кувиках также подтверждает исключительно благоприятные условия этих мест для сохранения пережитков глубочайшей давности.

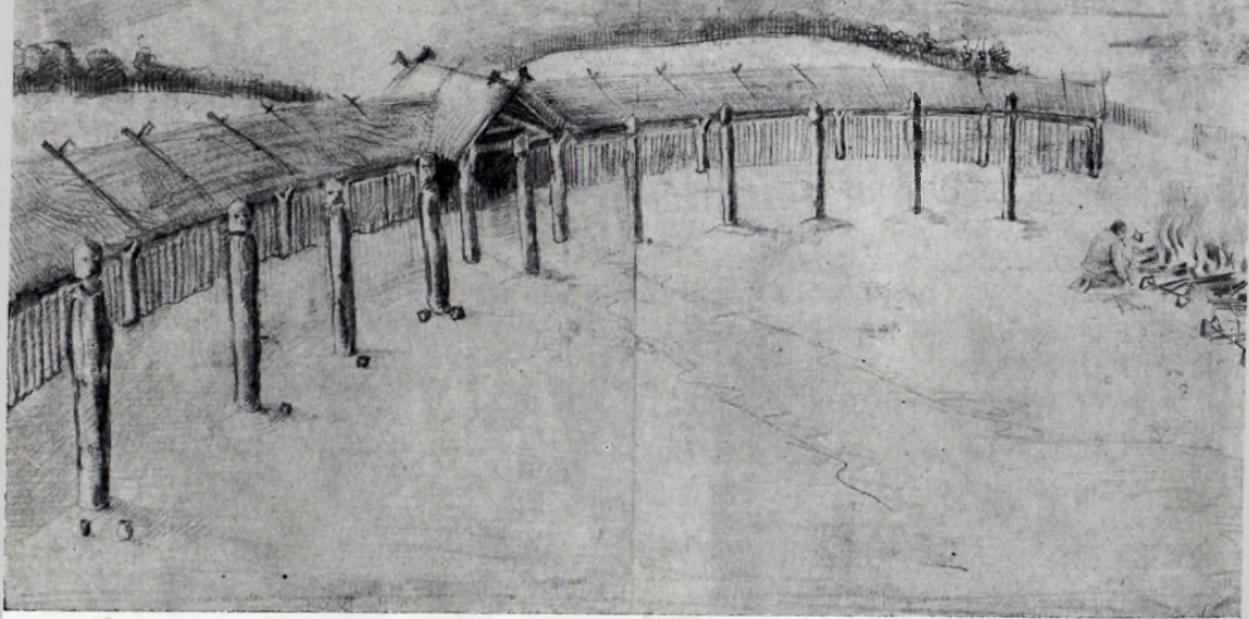
В самые последние годы советскими археологами сделано открытие, бросившее новый, неожиданный свет и на игру в «Кострому»; оно прямо отвечает на поставленный выше вопрос и позволяет даже приблизительно датировать время пышного развития обрядности, отзвуки которой сумели докатиться до наших дней.

Я имею ввиду новейшие раскопки советскими археологами древнего городища Вщижа на правом берегу Десны (всего в двух десятках километров от Дорожева, от Домашева — еще ближе). Руководивший раскопками профессор Б. Рыбаков распознал на одном холме во Вщиже остатки древнего языческого капища и пришел к выводу, что капище это было весьма крупным, «общеплеменным», а главное, было посвящено женскому божеству, женскому культу (как предположил Б. Рыбаков, культу Берегыни). Эпоху, к которой относилась деятельность этого капища, он определил периодом, примерно, с V века до нашей эры, кончая V—VII веками нашей эры.²

Открытие это, как мне кажется, объясняет все, остающееся неясным. «Кострома» в Домашеве и Дорожеве — это давно переосмыслиенные варианты сельскохозяйственной обрядности, центр которой в течение долгого ряда веков, быть может, целого тысячелетия существовал тут же, на берегу Десны. Именно

¹ В древности, может быть, и не льна, а крапивы. Напомню, что областное название крапивы — кострика. В старинной сказке Андерсена «Дикие лебеди» рубашке, сотканной из волокон крапивы, приписывается волшебное действие.

² Б. Рыбаков. Столпный город Чернигов и уделный город Вщиж. Сб. «По следам древних культур». «Древняя Русь». М., Госкультпросветиздат, 1953.

Древнее святилище во Вциже.
(Реконструкция проф. Б. Рыбакова)

Показ «Костромы» в Доме Актера, декабрь 1940 г.

Фото С. Шингарева, 1940 г.

здесь каждой весной, с небывалой торжественностью проводилась (а может быть, была и создана) церемония похорон Костромы-Хоботыи, церемония изготовления оберега от нее—магической обыденной ткани и торжественные похороны Костромы в водах Десны. С распространением христианства древняя обрядность постепенно забылась, местами же была переосмыслена. Можно представить, однако, как развита и сильна была она здесь, если отголоски ее докатились до наших времен, свободно пройдя через тысячелетие после официального введения нового культа в Киеве¹.

Дорожевский и домашевский варианты «Костромы» — это первые ее находки вблизи древнего центра русской женской обрядности. Внимательные поиски фольклористов в других селах, расположенных недалеко от развалин древнего Вщижка, обнаружат, несомненно, еще немало вариантов игры в «Кострому» (под тем или иным названием), которые смогут подтвердить и углубить сделанные нами выводы².

¹ Собранные в брянских селах данные приводят в итоге к следующему уточнению генеалогии божеств древне-русских земледельцев:

Дух растительности, в частности хлебов, — это может быть Овсень: вряд ли обосновано отрицание явной связи понятий «о в е с» и Овсень (живущий в овсе). Он сочетается браком с богиней живительной влаги, воды — предшественницей Русалки, может быть Берегиней или Ладой. Их дочь, естественно, должна именоваться «Хоботья Овсеновна»; она — воплощение плодов земли. Воздействие (позднейшее) христианских святцев трансформировало ее отчество в «Аксеновну», а утверждение культуры льна (также более поздней культуры, чем культура хлебов, но во всяком случае — дохристианской) превратило Хоботью в Кострому, а у украинцев — в Костру-бонька.

² Экспедиция Ин-та Этнографии АН СССР обнаружила в послевоенные годы в одном из сел брянщины аналогичную игру в «Махоню». К стыду Института, игра эта осталась неопубликованной и даже неизученной...

Это тем более досадно, что слово «Махоня», быть может, происходит от имени древней богини Мокошь — богини-прыахи; по мнению некоторых исследователей, в христианских святыцах Параскева-Пятница заменила не Ладу, но именно Мокошь.

Попутно обращаю внимание на то, что ближайшее к Вщижку село на левом берегу Десны, всего в шести километрах (то есть еще ближе к Домашеву и Дорожеву), носит название Ржаница. Это — почти точное воспроизведение имени другого древнерусского божества — Рожаницы. Не было ли древнее съятилище — после уничтожения во Вщижке — перенесено на левобережье в лес (левобережье вплоть до Десны и поныне покрыто лесом) и не отражает ли нынешнее название «Ржаница» имени женского божества, съятилище которого здесь находилось?

«КОСТРОМА» КАК НАРОДНОЕ ТЕАТРАЛЬНОЕ ДЕЙСТВО

Я уже писал, что дорожевская и домашевская «Кострома» поражала зрителя прежде всего самобытностью народно-театрального действия. Наличие в нем отзвуков древней обрядности было выяснено позднее.

Домашевский вариант, более древний чем дорожевский, особенно напоминает силуэт древнего, театрализованного по форме ритуального действия. Сопоставление обоих вариантов дает возможность как бы наблюдать самый процесс перерождения ритуального, театрализованного по форме обряда в театральное представление. Этот момент в становлении театра, по признанию историков, был самым неясным.

Домашевская «Кострома» — это театральное зрелище, сохранившее почти полностью форму обрядового действия. Смысл этого действия, давно позабытый, сохранился в быту по инерции, а также благодаря своей художественной занимательности, хотя и элементарной. Поверья, связанные с этим обрядом, вероятнее всего позабылись не так давно, возможно, всего несколько поколений тому назад¹.

Домашевская «Кострома» особой популярности в своем селе не имела. Трагедийный характер обряда, его неразработанная форма оказались бесперспективными. В данном случае интересно провести аналогию с самарской «Костромой», представляющей наполовину обряд, наполовину театральное действие: самар-

¹ В этой связи интересно отметить, что, по признанию певцов, в Домашеве еще недавно были две игры, имевшие обрядовое значение. В 1956 г. от семидесятилетней женщины — А. М. Финогеновой, родившейся и выросшей в Домашеве, удалось узнать текст одной из песен — хороводной игры «Кистайки» (хождение «подковкой» вокруг трех женщин). Начальные слова этой песни, действительно, говорят о ее древнем происхождении: «Зеленая Марья-Кистайка в зеленой лозе стояла, всего много видала»... Другая песня — «Курган» — связывается с существующим в Домашеве древним кургаником...

ская «Кострома» сохранила трагедийный характер, но оказалась более разработанной по форме: два лица, мимически действующие, — Кострома и Смерть (их борьба, перемежающаяся с пением хора).

Дорожевская «Кострома» раскрывает перед нами следующий этап развития народного театра. Она наглядно демонстрирует перерождение в хороводную комедию ритуального, трагедийного по смыслу действия. Пользуясь фрезеровской терминологией¹, можно сказать, что на полузасохшем стволе некогда могучего дуба русской обрядности выросла и развилась пышная «золотая ветвь» омелы — театральное, игровое действие.

Дорожевская «постановка» обращает внимание своими развитыми формами действия: она включает до пяти-шести действующих лиц², более сорока хороводных эпизодов и длится свыше часа на «арене», образованной громадным хороводом из сотни девушек и женщин, в свою очередь окруженных тесной толпой зрителей. Таковы были масштабы этого народного зрелища, ежегодно собиравшего на дорожевскую площадь «всех живых и полумертвых» жителей села (приезжали и из соседних сел, даже из г. Бежицы).

Дорожевская «Кострома» — великолепное подтверждение и иллюстрация знаменитого высказывания Пушкина: «Драматическое искусство родилось на площади — для народного увеселения» («О драме»).

Удивляет последовательность и систематичность, с которой предки дорожевцев переработали древний обряд и, сделав несколько решительных шагов по пути дальнейшей театрализации его, создали свою веселую, местами даже сходную с фарсом комедию. «Производственный костяк» обряда (изготовление холста) был ими оставлен, но Кострома «оздоровлена», поставлена на ноги, ей были переданы все функции матери Костромы (персонаж этот в Дорожеве был упразднен).

Кострома, таким образом, умерла в сознании дорожевцев как воплощение стихии, олицетворение льна, костры, как дочь Русалки или Берегини и воскресла на площади села как веселая, озорная актриса, «протагонистка» русского народного театра (актриса русского народного театра появилась, следовательно, раньше актера).

Легко понять, что «оздоровление» Костромы круто переменило весь «лад» пьесы, переведя его из «минора» в «мажор». Умирающая Кострома бросала ранее мрачную тень на все действие. При сохранении этого трагедийного персонажа были неуместны какие бы то ни было шутки, комикование, веселье. «Оздоровление» Костромы привело к бессмыслице с точки зрения обряда, но из обломков его получилось веселое зрелище.

¹ Д. Фрезер. Золотая ветвь. ОГИЗ, «Московский рабочий», 1931.

² Сама Кострома, ее Муж, Невестка, Фельдшер, Поп и Кума из хоровода.

Ожившая «Кострома» стала уверенно сплетать новую логическую нить несложного сюжета новорожденной пьесы. Внутренний стержень обряда — интерес к здоровью умирающей Костромы — исчез. Неуместный более вопрос «Как жива твоя Кострома?» был заменен игровым — «Что она делает?» (Примечательно, этот вопрос тождественен с записанным в детских играх в «Кострому»).

На смену позабытой ритуальной причине болезни пришло ее бытовое переосмысливание: Кострома заболела, объевшись. Так возникли веселые сценки пиршества Костромы с ее родными (Невесткой, Мужем) и сценки «лечения» ее «Фершалом». Как удалось установить, сценки эти игрались на площади в чисто фарсовом плане («осмотр» и «выслушивание» больной «Фершалом», ее комикование от «болей в животе»). Неудачное лечение «Фершалом» и удачное вмешательство Попа (пародийно обыгранное «подзaborование») внесли в пьесу элементарные «перипетии», отсутствовавшие в ритуальной схеме обряда. Это привело к введению новых персонажей.

По-видимому, в самую последнюю очередь в «Кострому» были введены мужчины (роли Знахаря — «фершала» и попа в недавнем прошлом исполняли женщины). Первоначально же на основе женского обряда возникла и женская пьеса (мужчины и поныне почти не имеют своих реплик, играют большую частью мимически — как в хороводе).

Перерождение обряда в спектакль оказалось таким глубоким и последовательным, что изменило даже жанр постоянно повторяемого хорового припева. Текст и мелодия его почти не изменились, но темп ускорился, четко обозначился двудольный размер, а дружные ритмичные хлопки и присвистывания доверили превращение тягучего ритуального возгласа в бойкую плясовую. Выздоровление Костромы после ее «подзaborования» естественно завершило «пьесу» веселой плясовой песнею. Весьма характерно, что, по воспоминаниям участниц, песня эта в прошлом была типично скоморошья, «алилешная» — «Ой, Ягор-Ягорушка». Уже в этом столетии она была заменена более четкой, легкой и простой «Как на горке, на пригорке» с традиционным припевом «Барыня ты моя...». Попутно были введены и пляски.

Так создались контуры современной дорожевской «Костромы», еще сохранившей по инерции хороводный круг, деление на короткие эпизоды, «производственный процесс», но вполне оформленвшей свое театральное бытие.

Существовавшие в разных областях детские игры в «Кострому», судя по отдельным деталям этих игр, иногда ведут свое происхождение от комедийно переосмысленного обряда.

Еще более отчетливо говорит нам о таком же переосмыслинии текст песни о Костроме, записанный в XIX веке во Владимирской губернии:

Как Костромин-то отец
Стал гостей собирать,
Большой пир затевать,
Кострома пошла плясать,
Костромушка расплясалась,
Вина с маком наливалась.
Вдруг Кострома повалилась,
Костромушка умерла¹.

Судя по этой песне, в других местностях России также наблюдалась тяга к комедийному переосмысливанию широко распространенного обряда, смысл которого был уже забыт.

Для исследователя русского народного театра большой интерес представляет изучение всех особенностей дорожевской игры в «Кострому». Импровизационность ее исполнения заставляет вспомнить о приемах итальянской *commedia dell'arte*. Свободно, творчески варьируя реплики, отдельные действия, участницы «Костромы» играют ее с детской непринужденностью, играют для себя, как и для зрителей, часто втягивая их в игру. «Я, — вспоминала А. Васюкова, — когда ехала за попом (попа привозили верхом на палочке из соседней хаты — Л. К.) всех по ногам хлестала».

Стиль игры — прихотливая смесь патурализма с гротеском. Все деловые реплики подаются с полной серьезностью. Разговаривают живыми, искренними интонациями. С точностью, серьезно передают они все «производственные» жесты знакомой с детства работы (имитация обработки прялева, пряденья, тканья и пр.). Но как только дело доходит до болезни, Кострома начинает «комиковаться», приближаясь к гротеску (особенно в фарсовых сценках с фельдшером, несколько более «обстоятельно», чем это нужно, «осматривавшем» больную).

«Реквизит» дорожевцев был несложным: палочки, нитки (вместо пряжи, прялева), куча соломы (раньше, когда пряли лен, ворох костры) для подстилки Костроме — нечто вроде эстрады. Вывороченный тулуп, рваная шапка и крест из лучин для попа; щепоть соли — лекарство для «фершала» и т. п. Характерно, что основные исполнительницы Костромы — женщины не моложе 30 лет. Наиболее опытная, основная заводила игры в «Кострому» и запевала — А. П. Васюкова (род. в 1883 г.). Следует отметить, что дорожевцы упорно подчеркивали независимость своей «Костромы» от домашевой: «Мы их «Костромы» не чулы», — говорили они («Мы про их «Кострому» не знаем, а они — про нашу»).

Последний вопрос, который возникает перед исследователем дорожевской «Костромы», — это вопрос о времени ее возникновения, времени переработки обряда в комедийное действие.

¹ См. в цитированной работе Е. Добринкиной стр. 100—101 или П. Шейн Великорус, вып. 2, текст № 1257, СПб., 1898

Некоторые данные наталкивают на мысль об участии в этой переработке «веселых людей» — скоморохов. Дело в том, что «Кострома» в Дорожеве по нерушимой традиции играется всегда в том «конце» села (на той улице), который называется Сурнаевкой. Совершенно очевидно, что в далеком прошлом здесь было поселение музыкантов — сурначей (сурна в России — старинное название трубы). А как известно, скоморохи были прежде всего музыкантами¹. Существование поселения музыкантов в гуще брянских лесов позволяет предположить, что это был поселок беглых скоморохов, вынужденных спасаться от преследования церкви, которая в XVI, а особенно в XVII веках добивалась их изгнания из Москвы, нещадно преследовала, сжигала их инструменты и пр.² Следует отметить, что в песенном фольклоре Дорожева сохранилось много отзвуков скоморошьего искусства. В песнях часты упоминания о «молодых скоморохах» и их инструментах — волынках, гудках, гусялях (сами певицы не понимают смысла этих слов). О продолжении традиций скоморошьего искусства говорит четкая ритмика ряда песен, разнообразие «скакульных» (плясовых) песен, танцевальная одаренность участниц и их редкостная тяга к театрализации хороводов. Некоторые напевы дают основание предположить, что они были созданы в расчете на бурдонное сопровождение (на волынке, гудке и пр.). Все это заставляет думать, что именно скоморохи имели отношение к переработке старинного обряда в веселую, комедийную игру. Об этом говорит и антицерковная направленность сценки с попом: у скоморохов, как указывалось выше, были старые счеты с церковью.

Однако, если предположить, что дорожевская переработка «Костромы» ведет свое начало от XVI—XVII веков, становится непонятной сохранность в этой игре многих обрядовых деталей (имя «Хоботья», подстилка из костры, наконец, весь «производственный процесс»), уже ненужных в комедийном зрелище. Детали, естественно сохраняемые в обряде, вряд ли могли столетиями оставаться в хороводной комедии, и можно говорить о более позднем переосмысливании обряда в комедию, восходящем к XIX веку. Воспоминания старейших участниц свидетельствуют о том, что «Кострома» в Дорожеве игралась в данном виде уже более 50-ти лет. Таким образом, на пороге XX века она уже была комедийным действом³.

Когда бы ни была создана дорожевская «Кострома», ее значение для нас, для истории русского театра не меняется. Перед

¹ О «музыкантском» происхождении села говорит и обычай называть певиц и исполнительниц на кувырках «игрухами» (ср. древнерусское «игрец» — музыкант).

² Как известно, в результате такого изгнания «веселых людей» на окраины Руси, на далеком севере возникли многочисленные деревни с названием «Скоморохово».

³ Запись приведенной выше песни о «Костроме» показывает, что коме-

нами чуть ли не единственный образец возникновения, на почве древней обрядности, вполне самобытной народной русской хороводной комедии. Надо надеяться, что историки русского театра поймут это и глубоко заинтересуются «Костромой», которая заслуживает специальной, развернутой монографии, точной, полной записи и, разумеется, киносъемки в натуре на площади древней Сурнаевки.

дийное переосмысливание обряда известно было значительно ранее. О том же свидетельствуют и детские игры в «Кострому», записанные местами уже сотню лет назад (некоторые из них явственно происходят из «Костромы», уже переработанной, как в Дорожеве, в веселое хороводное действо).

БРЯНСКИЕ КУВИКЛЫ

Изучение культуры игры на кувиках вводит нас в древнейший период развития музыкального искусства дорожевцев и, вероятно, всего вообще русского музыкального фольклора. Эта культура, вне всякого сомнения, зародилась тысячетия назад, быть может даже в эпоху каменного века. Еще в античной Элладе, две с половиной тысячи лет назад пастушеским инструментом считалась флейта Пана. Культура того времени была довольно высока, а сама флейта Пана, судя по многочисленным изображениям, все же сложна (в ней было до 7 стволов). Архаичность флейты Пана наглядно демонстрируется также и тем, что ее можно найти в числе музыкальных инструментов многих отсталых народов.

Внимательное изучение игры на кувиках также убеждает, что этот реликт глубокой древности резко выделяется на фоне других «слоев» музыкальной культуры села.

Флейты Пана под разными названиями сохранились у немногих народов СССР. У русских этот инструмент считался уже исчезнувшим из быта, однако, как было сказано выше, года за три до «открытия» брянских кувикл, профессор К. Квитка решил проверить один старый след и, на основании заметки семидесятилетней давности, поехал в Курскую область. Расчеты оправдались: в нескольких селах (Плехове, Гахове и др.) он нашел флейту Пана под именем «кугикл». Игра на них здесь оказалась не только не забытой, но и пользовалась широким, почти массовым распространением. Кувики были распространены здесь не менее чем гармоника и скрипка, с которыми они соединялись в самые неожиданные ансамбли.

Брянщина — второй центр русских флейт Пана. Примитивность, архаичность культуры брянских кувикл позволяет рассматривать эту культуру как подлинное начало развития инструментальной музыки. Самые простые песни дорожевцев по сравнению с этой культурой кажутся сложными, высоко организованными произведениями. Кувики, игра на них — это один

из самых нижних «слоев» в многослойном культурном наследии современной русской деревни.

Записывая музыку игруш на кувиках («игрухами» здесь называют одинаково и певиц и инструменталисток), слушая их рассказы, наблюдая за изготовлением кувикл, я смог заметить, что тысячелетняя практика игры на этом инструменте привела к созданию неписанного кодекса правил, навыков, приемов исполнительства, подробной терминологии, чуть ли не особой, народной исполнительской школы.

Из всех известных в фольклористике флейт Пана дорожевые, несомненно, самые примитивные. Они состоят всего из двух стволов, не связанных друг с другом. Для сравнения напомню, что описанные К. Квиткой курские кугики состоят из 3 или 5 стволов, а флейта Пана на древнегреческих статуях, как уже упоминалось, еще более сложна (включает до семи аккуратно связанных стволов, то есть на ней можно взять 7 разных звуков; передуваний при игре не было). Уже в этом ощущается тысячелетняя древность дорожевской инструментальной музыки.

Удалось выяснить, что существовали поверья, ограничивавшие время игры на кувиках, ее начало и конец в каждом летнем сезоне. Поверья были связаны с циклом сельскохозяйственных работ в поле: уборкой хлеба и льна. Начинать игру на кувиках старики разрешали не раньше, чем зацветет рожь («чтобы колос пустой не был») или не раньше «Десятой Пятницы»; когда начинали сеять озимые (после «Фролова дня», 31 августа) — играть запрещали. Поскольку игра на кувиках почти всегда сопровождается пляской, можно предположить, что древние ограничения игры на кувиках имели более общий смысл и означали запреты всякого праздничного веселья во время особо ответственных фаз сельскохозяйственных работ.

Итак, дорожевские кувики — это две закрытые с одной стороны трубки (полые стебли лугового зонтичного растения)¹ длиной 8—18 см. Из каждой дудки можно извлечь только один звук (боковые отверстия отсутствуют), высота звука колеблется между ля¹ и си бемоль². Игруха держит у рта две дудочки и, прикладывая губы то к одной, то к другой (рука неподвижна, двигается голова), может извлечь из своих кувикл всего 2 разных по высоте звука.

Брянские кувики, как и курские, используются только в

¹ Растение это, видимо, — дягиль, дудник лесной (*Angelica silvestris*) или «купырь лесной» (*Anthriscus silvestris*); местные названия его — «цволовы», «стволы», иногда «попури». Знание местных названий растения, из которого делают кувики, имеет не только «академический интерес». Одно название (домашевское) — цамбух — явственно напоминает о древнегреческом названии трубы (самбук). Поскольку дягиль в ряде местностей называется дудником, дудкой, дудочкой травой, можно предположить, что в ряде местностей, где сохранилось такое название (например, в Вологодской, Калужской и др. областях), раньше также бытовала игра на кувиках.

ансамблях, так как слабый звук и предельная ограниченность звукового состава делают невозможным игру на кувиках в сольном исполнении. Ансамбль кувикл — это три-четыре, даже больше игруш — играют исключительно женщины; по-видимому, кувикилы — чуть ли не единственный чисто женский музкальный инструмент¹.

Игра на кувыклях своеобразна и в то же время монотонна. В настоящее время дорожевцы исполняют на них только одну «пьесу», аккомпанируя пляске:

Расшифровка В. КРИВОНОСОВА

Умеренно $\text{♩} = 90$

Га! Га! Га! Га! Га!

выкрики

ах, ах, ах, ах, ах, ах, ах,

ах, ах.

Га! Га! Га! Га! Га!

выкрики

X — знак выкрика спаукающих

¹ Мне удалось услышать бытовое народное объяснение этого факта от одного пожилого колхозника, сказавшего: «Только женщины работают на поле группами, мужчины же чаще — поодиночке». Поэтому игра на кувиках, требующая обязательного ансамбля, могла возникнуть и утвердиться только у них.

Слабый, скрипящий, несколько глуховатый звук кувикл напоминает по тембру короткие, отдаленные гудки или свистки. Неизменно и бесконечно повторяемая, простая по ритму попевка сопровождается отрывистыми возгласами «га», «а» или «гай» на сильных долях такта, выкрикиваемых частью исполнительниц. Часто в музыке кувикл можно различить звуки, лежащие в основе русского названия инструмента: **ку-и**, **ку-ги** слышится во время игры¹.

Игра на кувиках обычно сопровождается целым «ударным оркестром»: ритмичными ударами в ладоши, топаньем ног, свистом, «иханьем». В этом окружении музыка на кувиках, исполняемая обычно в оживленном темпе, четком двудольном метре, действительно, производит впечатление плясовой.

Способ изготовления кувикл крайне прост. Женщина вылаивает два ствола дудника, растущего в лесу или в поле, один — потолице, другой — потоньше и в дальнейшем орудует только «когтями и зубами» — по крайне характерному определению дорожевок, обгрызая или обламывая край дудки, сглаживая ее неровности быстрым и осторожным трением края о воротник холщовой рубахи или рукав. Две кувиклы называются «парой»: более крупная — толстая и длинная — «гудок», более короткая и тонкая — «подпищик»². По длине дудочки отличаются друг от друга, примерно, на толщину пальца; интервал между тонами, издаваемыми гудком и подпищиком, бывает разным: от большой секунды до уменьшенной квинты.

При изготовлении набора кувикл для целого ансамбля (это делают более опытные игрухи) начинают обычно с самой круп-

¹ В Брянском районе, как и в Курской области, название «кувиклы» объясняют именно как звукоподражательное; (ср. «кувякать» — плакать, «кугакалка» — ребенок); объяснение К. Квитки (от слова «куга» — тростник) мне кажется натянутым и менее вероятным.

² В местном произношении «подписьщик».

ной кувилы — гудка; размеры кувил подбираются на глаз: подпищик должен быть потоньше и покороче гудка.

В дальнейшем весь ансамбль играющих обычно разбивается на две группы. У игрух одной группы кувилы настроены одинаково, в разных группах — по разному. Таким образом, общий звукоряд всего ансамбля состоит из трех-четырех разных по высоте звуков. Так, например, в приведенной записи ансамбля игруш кувилы одной группы издавали тоны до² (гудок) и ре² (подпищик), а другой группы — ре² (гудок) и фа² (подпищик), с общим звукорядом до² — ре² — фа².

Обе группы играющих отличаются одна от другой не только строем кувил, но и тем, что участники одной группы чередуют свою игру с ритмичными (на сильных долях такта) возгласами «га», «а», усиленными резонансом той из кувил, которая в момент возгласа находится у рта игрухи. Такие возгласы называются в Дорожеве «спауканьем» и являются весьма архаическим приемом игры (см. верхний нотоносец на стр. 42 и 43). Другая группа игруш «спередергавает» или «трясет»¹ — издает звуки на кувиках, не перемежая их никакими возгласами (игра их записана на нижнем нотоносце).

Игру на кувиках всегда начинают «с передергом», после чего вступают «спаукальные» (см. запись на стр. 42). Каждая игруха повторяет неопределенное число раз одну и ту же фигуру — мотив. Он так прост и так мало варьируется, что по записи бывает трудно разобраться — играет одна женщина или несколько. Мотив спаукальных более сложен по ритму, более варьируется. Эти вариации надо приписать трудности спауканья (умеющих спаукать значительно меньше, чем спередергавать) — равномерного прерывания игры возгласами, обязательно над одной и той же кувилой (в Дорожеве — над подпищиком)².

Любопытно, что в Дорожеве все игрухи звукоподражательно «переводят» свою игру с передергом слогами **и-л-и-п-у**, а со спауканем **и-л-и-п-à**. Эта слоговая «расшифровка» наигрышней на кувиках свидетельствует, видимо, о неизменности исполняемых ритмических фигур (с ударением на конце), а кроме того об инстинктивном ассоциировании более высоких звуков с гласной **и**, более низких — с гласной **у**; в слогах **и-л-и-п-à** отмечено спауканье, иначе «пàпканье», которым кончается каждая ритмическая фигура у спаукающих.

Так как те же гласные лежат в основе русского названия инструмента (ку-ви-кла), представляется вероятным следующее

¹ Названия эти, очевидно, произошли оттого, что исполнительницы во время игры держат кувилы неподвижно у губ (чаще левой рукой), головой же быстро «дергают», «трясут» так, что губы приходятся то над гудком, то над подпищиком.

² Иногда и над гудком. В одном случае указывали, что иногда устанавливаются, что одна спаукальная будет спаукать в «гудок», другая — в «подпищик».

соображение: в древности название инструмента выражало его основную особенность — сопоставление 2-х разных по высоте звуков, как бы означающее «низкий» и «высокий» звуки, извлекаемые каждой парой¹.

Сказанное выше помогает уяснить задачу «подстройки» кувикл для целого ансамбля. Игрушам приходится подстраивать в унисон все гудки и все подпищики в пределах одной и той же группы. Подстройка такая производилась и в нашем присутствии; чистые унисоны достигались очень быстро. Необходимость такой подстройки кувикл весьма благоприятствует первичному осознанию звуковысотности. При подборе кувикл основное внимание игруш направлено на тембр кувикл (чтобы звук был громким и ясным, не сплыв, «прозористым»)² и на легкость звукоизвлечения (чтобы легче было играть).

Изготовив несколько пар «спередергаванных» кувикл, игруха принималась за изготовление пар «спаукальных». При этом выявлялось еще одно правило: кувиклы спаукальной пары должны быть немного «потоньше»³ спередергаванной. Важно отметить, что осознанным соотношением звуковысотности является только унисон между одноименными кувиклами одноименной группы (например, у всех гудков спередергаванных). Все остальные соотношения приблизительны и определяются по размерам «на-глазок». Именно поэтому каждый новый комплект кувикл в Дорожеве имеет иной строй и звукоряд. В четырех обследованных мною комплектах кувикл встретились следующие звукоряды:

Спередергаванные Спаукальные

Гудок Подпищик Гудок Подпищик.

I комплект				
II комплект				
III комплект				
IV комплект				

¹ Напомню, для сравнения, что и название «фортельяно» тоже возникло как обозначение характерной особенности звучания данного инструмента: «громко» — «тихо».

² «Кувикла — что надо, а звону в ней нет», — говорила мне одна игруха о кувиклах со слабым или сильным звуком.

³ При подстройке кувикл слова «потолще» и «потоньше» постоянно применяются и в прямом и в перенесном смысле, имея в виду толщину дудок и высоту звуков. Отсюда вопрос: не произошло ли общерусское название

Особенно важно, что различные строя не осознавалось игрухами. Я убедился в этом, когда принес одному ансамблю дорожевских игруш, привыкших к кувиклам со строем *до²* — *ре²* — *фа²*, другой комплект, на котором они никогда не играли и который был совершено иным по интервалам: *ля диеz¹—ми², до диеz²,—фа диеz²* (пониженное).

К моему изумлению, игрухи не только не забраковали эти кувикилы, но дружно одобрили их за звучность и ясность тембра. И тут же, по собственному почину, сыграли на них. Это были самые опытные игрухи, « заводилы » всего села — музыкальные, знающие много старинных русских песен того типа, к какому относятся, например, записи Римского-Корсакова, Балакирева. Одна из участниц этого ансамбля только накануне проворно изготовила целый комплект кувикл, выявив хороший слух, легко добиваясь чистых унисонов одноименных дудок.

Этот почти случайно поставленный опыт, так же как и непосредственные наблюдения над отбором кувикл при изготовлении отдельных пар окончательно убедили меня, что строй кувикл в Дорожеве — явление весьма приблизительное, непостоянное, о котором следует говорить совсем в другом смысле, чем о строе тамошних песен.

У брянских игруш осознание звукоряда инструментальной музыки — игры на кувиклах — неизмеримо уступает инстинктивному ощущению лада песни (вокальной мелодии). Игра на кувиклах, по-видимому, сохранила здесь формы « первобытного атонализма », если можно так выразиться. Осознание строя кувикл существует лишь в зачаточной форме. Игрухи, быстро изготавливая свои нехитрые инструменты, играют на них лишь летом, потом выбрасывают, не сохраняя на зиму. Это обстоятельство, конечно, препятствует стабилизации строя кувикл и его осознанию.

В силу всего нами сказанного, игра на кувиклах никогда не аккомпанирует в Дорожеве пению; музыка песен, более гибкая, естественно эволюционировала, тогда как наигрыши на кувиклах « задержались » на архаически древней стадии; и сейчас это — два разных, самостоятельных и не смешивающихся « слоя » музыкальной культуры села.

* * *

Необычная сила традиции, сохранившей в крестьянском быту музыкальную культуру тысячелетней древности, выявляется также и в независимости культуры кувикл Дорожева и соседних сел. Ближайшее из них — село Домашево, всего в пяти километрах от Дорожева, за перелеском. Правда, как уже было сказано, исторические условия жизни в обоих селах были неоди-

высоких звуков толстыми, низких — толстыми в связи с древней культурой игры на кувиклах, имевшей широкое распространение?

наковы: в Домашеве, по воспоминаниям, был помещик, существовало крепостное право. Но родственные отношения издавна связывали оба села. До войны старшеклассники-домашевцы ежедневно ходили в дорожевскую школу (в 1940 г. в Домашеве была только четырехлетка, а в Дорожеве — семилетка). И тем не менее во время краткого (двухдневного) выезда в Домашево удалось обнаружить самостоятельность всех видов «художественного наследия» — в Домашеве существовали и игра в «Кострому», и сходные песни, и кувыклы, но они имели иной характер.

Опишу вкратце домашевскую культуру кувыкл.

По приезде к ним выяснилось, что у тех женщин, к которым меня направили дорожевцы как к опытным игрушкам, не сохранилось в запасе кувыкл (был март месяц). Недолго думая, домашевки бросились в рощу, принесли оттуда ветки кустарника и на моих глазах сделали «зимние кувыклы». Это были, как и следовало ожидать, ветви бузины с ее легко удаляемой сердцевиной. Самое интересное, что домашевцы называли ее «цамбух», что соответствует латинскому названию бузины (*Sambucus*) и названию древнегреческого духового деревянного инструмента самбука¹.

Если высота звуков дорожевских кувыкл находилась в прямой зависимости от длины дудочки, то в «готовых к употреблению» домашевских кувыклах дудочки почти одинаковой длины издавали разные по высоте тоны. Объяснилось это очень просто: внутренние каналы, из которых была удалена сердцевина, были разной длины. Это наблюдение заставило вспомнить древнегреческие статуэтки Пана с его флейтою, все 7 трубочек которой в некоторых случаях были одинаковой длины. При равной длине всех трубок каналы с удаленной сердцевиной, конечно, были разной длины. Строение домашевских кувыкл позволяет предположить, что древнегреческие флейты Пана также, по-видимому, делались иногда из ветвей бузины.

Другой, еще более интересной особенностью домашевских кувыкл было то, что каждая участница ансамбля играла не на двух, а на трех кувыклах, также не связанных друг с другом. Названия их были несколько иными: гудок (самая низкая по тону), середянка и мезьянка (самая высокая по звуку и самая меньшая по размерам). В двух последних названиях, неизвестных в Дорожеве, нетрудно узнать родство с на-

¹ В XVI веке в России самбикия отождествлялась с цевницей (деревенская флейта, может быть флейта Пана). Проникновение в брянские леса этого культурного названия указывает на вмешательство профессиональных музыкантов тех лет — скоморохов.

В «Очерках по истории музыки в России» Н. Финдейзена, вып. I (М., Гос. изд-во, Музсектор, 1928, стр. 184), цитата из Азбуковника XVI века: «Род же мусикии: трубы, свирели, еже и пиголами наречутся, песневые, рекше псалтыры, самбикия, еже есть цевница, киниры, сиречь лыри, тимпаны, кимбалы».

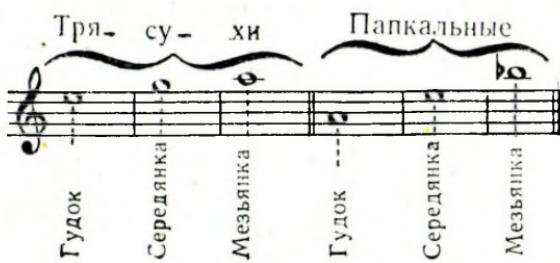
Сводку сведений о кувыклах см. в том же выпуске, стр. 205—208.

званиями курских кувикл («кугикл», как там произносят): гудок, гудзень, середяка, четвертака, мизютка — в пятиствольном комплекте. Они, в свою очередь, напоминают о наименовании пальцев (среднего, четвертого и мизинца). Самой маленькой из кувикл подходит название «мизинца», весьма отчетливо сохраненное в курской мизютке, но, видимо, позабытое в домашевской мезьянке (размеры внутренних каналов домашевских кувикл — 8,5 — 20,5 см)¹.

Интересно, что в Домашеве комплект из трех кувикл тоже называется парой. Отсюда можно заключить, что ранее здесь, как и в Дорожеве, играли на двух кувиклах. При увеличении их числа старое название было сохранено, хотя и утратило свой смысл.

Понятию «спауказать» в Домашеве соответствует «папкать», папкают обычно над середянкой — средней кувиклой. В Домашеве, в отличие от Дорожева, папкальные кувиклы настроены относительно ниже, чем «трясиухи». Общий охват звуков домашевского комплекта кувикл превышает октаву — трясиухи: *ми²* (гудок), *соль²* (середянка), *ля²* пониженное (мезьянка); папкальные: *ля¹*, немного пониженное (гудок), *ми²*, повышенное (середянка), *си бемоль²* (мезьянка).

Звукоряд состоит уже из 5 разных звуков: *ля¹* (пониженное), *ми²*, *соль²*, *ля²*, *си бемоль²*:

В обоих селах культура игры на кувиклах находится в фазе затухания. Играют на кувиклах редко. Игрух осталось немного и все это женщины старше 33 лет. Молодежь не удовлетворяется примитивным и трудным по звукоизвлечению инструментом и часто почти не знает его. Негромкие звуки кувикл чаще всего раздаются во время покоса. На полях, быстро смастерив незамысловатые «флейты», женщины дружно играют в минуты до-

¹ По внешним размерам домашевские кувиклы значительно менее чем дорожевские, отличаются друг от друга: 15 см — 20,5 см.

Игра на кувиклах

Играют (слева направо). А. Ф. Желтова, М. Ил. Васюкова, Е. Д. Васюкова, А. П. Васюкова,
Е. Ф. Симонова, М. Ив. Васюкова. Пляшут М. Т. Финогенова (слева) и Е. И. Жабина.

Фото С. Шингарева, 1940 г.

Хор дорожевцев в Москве.

Слева направо: М. Ив. Васюкова, Е. Д. Васюкова, Н. А. Алешин, Е. Ф. Симонова, Д. И. Сбродов, А. Ф. Желтова, М. Т. Финогенова, Г. Я. Симонов, А. П. Васюкова, Н. С. Жигаленков, М. Ил. Васюкова и Е. И. Жабина.

Фото С. Шингарева, 1940 г.

суга или вечером, возвращаясь в село. Играют и на улице, тогда уже среди игрушек появляются и пляшущие (обычно двое).

В 1940 году, во время одной из поездок кувыклы удалось найти еще в одном «заречном» селе Чернетове, расположенному за Деснью, на ее правом берегу. Примечательно, что учительница, прожившая в селе 25 лет, уверяла нас, будто никаких кувыкл она не знает и никогда не слыхала, как на них играют. Женщина, к которой нас направили как к заведомой игрухе, также скрывала это «предосудительное» занятие. Пришлось показать ей фотографии певиц-крестьянок, опубликованные в журнале. Недоверчивость сразу исчезла. Женщина кинулась в избу, вынесла «пару» кувыкл (также состоящую из 3 штук) и уже через несколько минут мы изучали ее игру. Примечательной особенностью в Чернетове оказалось умение женщин, дующих сразу в две смежные трубки, добиться своеобразного двухголосия при игре...

Не приходится сомневаться в том, что во многих селах брянщины при внимательном обследовании музыкального быта, удастся найти остатки игры на кувыклах и собрать важные сведения о формах и способах игры на них, имеющие большое научно-историческое значение¹.

Причины явного отмирания этой буквально реликтовой музыкальной культуры очевидны: архаика, чуждость песенной культуре, трудность звукоизвлечения, бедность звукоряда, относительно тусклый тембр. Однако ничего неизбежного в такой судьбе брянских кувыкл нет. Это превосходно доказывается культурой курских кувыкл, открытой и изученной К. Квиткой. В курских селах эта культура оказалась более гибкой, живучей, популярной. Кувыклы там более многозвучны («пара» включает у одних три ствола, у других — пять), строй их, видимо, более осознан. Поэтому кувыклы даже участвуют там в смешанных ансамблях. Древнейший русский духовой инструмент сопровождает там порою игру высшей представительницы струнных инструментов — скрипки (конечно, самодельной). О более высокой культуре курских кувыкл свидетельствует, наконец, и интересное явление «мысленных текстов» исполняемых на кувыклах «песен». Бытуя лишь в единичных селах, кувыклы продолжают оставаться любимым массовым инструментом, способным отзываться на новые задания, быть с другими инструментами в ладу (в прямом и переносном смысле этого слова).

Во всех случаях трудно преуменьшить научное значение культуры кувыкл, еще недавно считавшихся у русских полностью позабытыми.

¹ Во время экспедиций нам сообщали о бытовании кувыкл (в прошлом, а может быть и в настоящем) в соседнем селе Соколове, в Меленковском, Песоченском (селе Воскресенском) и, наконец, Жиздринском районах. Проверить эти сведения пока не удалось.

ПЕСЕННОЕ ИСКУССТВО СЕЛА ДОРОЖЕВА

Во время первой экспедиции в Дорожево удалось записать (фонографом) несколько десятков старинных песен. Некоторые из них продолжали бытовать, их пела даже молодежь, например, лирическую песню «За рекою, матушка, гусли гудут».

В январе 1953 года удалось вновь посетить Дорожево. Село почти залечило тяжелые раны войны. В этот приезд в клубе ст. Сельцо было записано магнитофоном около сорока песен. В их числе были и записанные ранее, так что сравнение их расшифровок позволяет в некоторой степени судить об изменениях в музыкальном языке певцов за 13 лет. Одновременно были записаны (у молодежи) новые дорожевские частушки и несколько новых песен, бытовавших в селе в годы войны. По мелодии они резко отличаются от местного фольклора и примыкают частично к старым городским песням, частично к фронтовому фольклору, публикавшемуся неоднократно. Удалось выяснить бытование в селе отдельных типов, жанров старинных песен, а попутно еще раз убедиться в угасании культуры кувикл, играть на которых молодежь совершенно не умела.

Крайне примечательно, что в Дорожево, как оказалось, не проникла ни одна из широко известных волжских бурлацких песен (таких, как «Вниз по матушке по Волге», «Эй, ухнем», «Утес Степана Разина» и т. п.).

На основании опроса певиц удалось установить, что специально новогодних песен, гадальных, авсенок они не могут припомнить. Святочная песня «Уж я золото хороню» была записана в 1940 году. На рождество ходили по избам только с пением церковных песен. Масленичных песен много (часть их была записана в 1940 году), обряда «Проводы масленицы» дорожевцы не помнят. Весенних песен также много, но веснянок, заклинаний весны в Дорожеве не знают. Земледельческих песен, кроме двух живых, также не оказалось.

Дорожевцы очень четко делят свои песни на группы по тому времени, когда было принято их петь:

- 1) зимние, в значительной части плясовые (по местному — «скакульные»);
- 2) масленичные;
- 3) великопостные;
- 4) весенние, летние, в том числе «карагодные» (хброводные);
- 5) «восенние» (осенние);
- 6) свадебные (поют обычно осенью, когда играют свадьбы).

Группы включают песни разных жанров, часто при преобладании одного. Так в числе масленичных и великапостных песен наряду с обрядовыми и весенними игровыми есть протяжные, лирические (большинство же лирических относится к осенним). Летом, наряду с некоторыми обрядовыми, преобладают «карагодные» песни и т. д.

* * *

Песенное искусство Дорожева, доныне почти не публиковавшееся, не освещавшееся в печати, представляет значительный интерес.

По своим стилистическим чертам многие песни Дорожева близки русской крестьянской песенной классике, известной нам по ряду сборников с конца XVIII века, ее основному «пласту», питавшему творчество Глинки (родина его — Смоленская область — непосредственно граничит с Брянскою). Это относится и к текстам песен, большую частью удивительно полным и сохранным, и к их мелосу.

Консерватизм музыкального быта, отсутствие песен, родившихся в степях или на просторах Волги, оказались не только на тематике песен, но и на характере их мелоса, — узком диапазоне мелодий, отсутствии широких интервальных ходов. Даже протяженные лирические песни (например, «За рекою, матушка, гусли гудут») замкнуты порою в пределах терции или кварты. Архаичность некоторых обрядовых напевов удивительна. Одна из песен, — заклинательная русальская «Завью венки» — вошла в учебник истории русской музыки¹ в качестве образцового примера первобытности напева. Характерен ладовый строй этой песни и некоторых других, столь же архаичных, — звукоряд большой терции (например, с, д, е) с конечным упором на среднем тоне (д).

Как уже отмечалось, в дорожевском песенном фольклоре отчетливо заметны следы влияния скоморошьих песен; в песнях, тексты которых сохранили упоминания о скоморохах или их инструментарии, отчетливо заметна речитативность и вместе с тем четкая ритмика: видимо, в прошлом это были бойкие плясовые, исполнявшиеся под аккомпанемент бурдонирующего инструмента — гудка, волынки (например, «Ой, Ягор-Ягорушко» или «Заиграй, моя волынка»).

¹ Ю. Келдыш. История русской музыки, ч. I, М.—Л., Музгиз, 1948, стр. 29.

Образцы дорожевского многоголосия в отдельных случаях являются весьма примитивными, архаичными и в качестве таковых уже приводились мною в работе «О русском народном многоголосии»¹: еле заметное «расщепление голосов», примитивное остинато одного голоса и т. п.

Наряду с сохранением архаичных черт, имеющих значение только для исследователя-историка, дорожевский песенный фольклор интересен и в другом отношении. Развиваясь в общем русле русского народного творчества, он включил в свой состав художественные песни, только частично знакомые по другим сборникам.

Изучение дорожевских песен указывает на стойкость в народной памяти не только текстов песен, но и их напевов. Сравнивая ряд дорожевских напевов с соответствующими песнями, записанными сто и полтораста лет назад, можно заметить общность их метроритма, а иногда и всего рисunka мелодии. Поучительно, например, сопоставить метрику и ритмику песни «Заплетися, плетень» с метрикой и ритмикой той же песни, опубликованной еще в конце XVIII века в сборнике Прача — Львова. Примеров таких немало (см. «А мы пашню пахали», «Как по морю», «Камаринская» и др.). Обращает внимание песня «На улице ержица», текст которой (а также метроритмика) частично совпадает с текстом «Катеньки веселой» из общеизвестного сборника Балакирева².

Таким образом, сопоставление наиболее развитых дорожевских песен со старинными записями дает интересный материал для суждений об истории русской песни, эволюционном развитии мелоса. Любопытные материалы по той же теме дают сопоставление записей одних и тех же песен, сделанных в Дорожеве дважды (примерно от того же актива в 1940 и в 1953 гг.). Такие сопоставления позволяют убедиться в том, что одни песни проявляют удивительную интонационную стойкость (даже в отношении абсолютной высоты тональности — сдвиги не превышают большой секунды), другие гораздо более подвижны, изменчивы. Это может объясняться разными причинами — забвением песни или ее энергичным распеванием.

Записи 1953 года указывают на усложнение многоголосия. Это обстоятельство, возможно, объясняется разной техникой записи. В 1940 году она производилась несовершенным фонографом, а в 1953 году — магнитофоном. Прекрасная его запись позволила расслышать больше деталей и голосов, которые в фонозаписи не были слышны.

В 1940 году расшифровали фонограммы Н. Бачинская,

¹ Л. Кулаковский. О русском народном многоголосии. М., Музгиз, 1951, стр. 25.

² См., например, П. Шейн. Великорус, вып. 2, тексты №№ 563 и 564. СПб., 1898.

И. Куликова и В. Кривоносов, в 1953 году — Е. Гиппиус и М. Чемухин.

В некоторых случаях сопоставление двухкратных записей той же песни позволяет говорить о развитии ладового, интонационного языка за последние 13 лет.

В числе дорожевских песен есть песни ранее неизвестные или известные только по единичным записям текстов. Ознакомление с ними имеет значение не только для ученого, но и для композитора, так как некоторые песни представляют несомненный художественный интерес. К числу малоизвестных или совсем неизвестных следует отнести: «Как повадился коток» (любопытное хоровое претворение детской колыбельной в женскую хоровую), «Под горою диво» (с характерным метроритмом, как бы имитирующим упоминаемый в песне барабанный бой), «Как назвала жена мужа, она негодяем», «За рекою, матушка, гусли гудут», «Ах, всходили тучи грозовые», «Не велела мне матушка», «Чеё ж это поле».

Примечательна судьба последней песни. С нею никогда более опытная жнея обращалась на поле к отставшей подруге, высмеивая ее медлительность. Интересно, что эта старинная песня перекочевала в колхозный быт. Летом 1952 года жнеи, закончившие работу на своей полосе, пели «Чеё ж это поле» соседней отставшей бригаде (в этом году часть урожая убиралась вручную).

Говоря о дорожевских песнях, нельзя не упомянуть о стремлении певцов театрализовать свои хороводные игры. В 1940 году их хороводы поразили меня, пожалуй, не менее чем «Кострома» (которую, кстати, сами дорожевцы причисляют к хороводным играм).

Последнее, на что хотелось бы обратить внимание, это исключительно крупная роль в дорожевском фольклоре женской тематики. Достаточно вспомнить «Кострому» и инструментальный ансамбль игруш на кувиках. Многих популярных мужских песен в Дорожеве не знали, зато с особым энтузиазмом пели и играли песни, в которых женщина берет верх над мужчиной. Таковы песни «Под горою диво — жена мужа била», «Как назвала жена мужа, она негодяем», «Летел голубь» с характерным припевом: «А все мужа по жене честят». В одном девичьем хороводе рассказывается, как «Девушка парня, она поборола», а затем великодушно помиловала. Не исключено, что и эта примечательная особенность дорожевского фольклора как-то связана с близостью села к древнерусскому женскому святилищу Берегыни (или Рожаницы)¹.

¹ Если точны предположения проф. Б. Рыбакова, то визигское святилище было основано еще до окончательного крушения матриархата (приблизительно во II в. до н. э.); пережив это крушение, оно стало естественным средоточием его пережитков: легко понять, как болезненно реагировали жрицы такого святилища на утверждение патриархата.

ДОРОЖЕВСКИЙ ФОЛЬКЛОР

ОБЩИЙ ПЕСЕННЫЙ РЕPERTУАР¹

ЗИМНИЕ²

1. Ой вы, луга*.
2. На улице ержица*.
3. У ворот гусли играли, да меня младу манили...
4. Пойду, выйду на улицу,
Разыграю карагод
Супротив своих ворот,
Супротив vereюшек.
5. Три дня печи не топила —
У печерочки жар, жар,
А я мужа не родила,
А мне его жаль, жаль.
6. Кто к двору, кто к двору,
А я к двору не пойду,
С кем гуляю не скажу
И кого люблю не объявлю.
7. Дурен, дурен наш кисель.
А кто дурен, нехорош, —
Того с улицы долой.
А я млада хороша,
Черноброва, пригожа.
8. Рябина, рябина,
Рябина кудрява,
Еще кучерява.
Как и эту рябину
Морозы не били.

¹ Песни распределены по указанию певиц. Песни, отмеченные звездочкой, помещены в данном сборнике.

² Большей частью «скакульные», то-есть плясовые.

9. Ой, батенька родимый!
Не отдавай меня, молоду,
На семнадцатом году,
Я в девушках посижу.
10. По заре да по зорюшке
Мой милый гулял,
Милый в дудочку играл,
В одну калиновую,
В другу малиновую...
11. Воробей-воробьюшек,
Полетел я в полюшко,
Насбирал себе зернушек,
Наварил себе пивушка.
12. Воробей сына женил,
Молодой пиво варил.
13. Варя-Варвара, с чего пузо нарвало?
14. Вечор меня мать журила, бранила,
Всё не за дело, всё за безделье:
За тонкую пряжу, за белую рубаху.
15. Ой ты, тетушка Алена,
Распотрена, набелена
На улицу выходила —
Черны брови наводила.
16. Полоса моя полосынька
Не пахана, не скорожена.
17. Варя-Варвара по саду гуляла, с черным бобром играла.
Понаехали бояре, скликнули Варвару...
18. Не заря моя, зорюшка, ранняя, вечерняя, солнышко
восхожее,
Ой, ты рано восходила, далеко светила.
19. Скакала, играла на улице долго.
Сказали мне люди, в доме нездороно:
Свекор умирал, свекровь подыхала.
20. Я хожу, хожу по досточеке,
Рассыпались мои косточки,
На чужих мужков глядучи.
21. Ой, Ягор-Ягорушка*.
22. Камафинская*.
23. Из-под дуба, из-под вяза,
Из-под вязова коренья,
Ой, калина, ой, малина!
24. У нас на речке, на Рязанке,
Там девчонки купалися.
Сколь не взялся вор Игнашка,
Покрал девкины рубашки.
Одна девка всех смелее,

- Понаружу выходила.
25. Не зима ль моя зима, зима лютая была,
Все крапивное кореньище повызнобила,
Что худая жена мужа высушила,
Присушила черны кудри ко буйной голове.
26. Ой, веловская девчонка подманила драгуна,
Да удалого молодца.
27. Гусли мои, разгуслыши,
Разыграйте, распотешьте
Да удалого молодца.
28. Летел голубь*.
29. Восходил месяц выше города*.
30. Я калася, перекалася,
Давно с миленьким не видалася.
31. У нас по мосту, мосточку,
По калиновому кусточку...
32. Ой, коло бережку похаживает,
Гусей-лебедей заманивает...
33. Ох вы, кумушки, вы голубушки,
Моего горя не знаете:
Моего мужа лихоманка бъеть.
34. Под горою диво*.
35. На горе, на горушке,
Там горят огонюшки.
Там девки гуся жарят,
Салом поливают,
Солью посыпают.
Там ребята кобеля жарят,
Дегтем поливают,
Песком посыпают.
36. Как повадился коток*.
37. Уж я золото хороню*.
38. Теща зятя браница,
Теща зятя журила:
— Мой-то зять дурак:
Ни сохи, ни боронушки,
Ни кобылки воронушки.
— Теща ласковенькая,
А твоя дочка дура:
Она наставила кросна,
А им девять весна,
А десятая пошла.
Проножки под лавкою
Заросли муравкою.
39. Я была, была на том конце*.
40. В Карабаше на ярманке*.
41. По улице тринки-волынки*.
42. Заиграй, моя волынка*.

МАСЛЕНИЧНЫЕ¹

1. Ой, не ель моя*.
2. За рекою, матушка, гусли гудут*.
3. Масляная покургужка*.
4. Взойду молода, ох, я на горку.
5. Высок, высок, матушка, кленовый лист.
А где б он не был высок — быть на земли!
6. По горам я молодая ходила-гуляла,
Вишенье-яблонье садила.
7. Выходила девица у широкой бор,
Выносила красная жар в рукаве,
Зажигала сыру сосну...
8. Дунули ветры со чистого поля,
Поломали все дубы и березы.
На тех на березах сидить три какушки...
9. Зайду, зайду на крутую гору,
На крутую я гору, на высок терем.
Сяду я, сяду под вакошечком...
10. Зайду, зайду я на горку,
Как ускрикну я соловейку:
— Соловеюшко мой, родный братец!
11. Сизенький мой селезенька,
Не летай по лужечку,
Не щипли травку-мурашечку.
12. С чего река пьяна, с чего веселая?
Прикатывали к речке девять бочек вина,
Десятая пива, десятая пива
От царя Константина, Васильева сына.
13. На море сырой дуб, на том дубу серый ворон, ен сидел.
Мимо его шел сын боярский, хотел застрелиться.
14. Я летела перепелкою по чужой стороне,
Я искала свою родимого батьки на чужой стороне.
15. У нас на горке, на пригорке, ой люли,
Там стояли клен да береза,
Туда ехал сын да боярской.
16. Давно я, давно у батюшки была.
Неужто моя дорожка мурашкой заросла?

¹ Все песни протяжные.

ВЕЛИКОПОСТНЫЕ¹

1. Речушка текучая*.
2. На Волге девки гуляли и мине младу гукали.
3. Была я у батюшки
Любимая дочь.
Отдал меня батюшка
Замуж далеко.
Велел же мне батюшка
Семь годов не бывать.
4. Горелый пень*.
5. Гори, гори гарко*.
6. А мы пашню пахали*.
7. Заплетися, плетень, заплетися*.

РУСАЛЬСКИЕ («РУСАЛЬНИЦКИЕ»)

1. Обкружусь, обчертюсь*.
2. Завью венки*.
3. Никому так не досадно,
Как мне, горькой сироте.
4. Сегодняшний денечек я в печали пробыла.
5. День я гуляю, день я хожу.
6. Несчастная Машонька, эх, уродилася.
7. Шла Маша из лесочка,
Плела Маша два веночка.

ВЕСЕННИЕ И ЛЕТНИЕ

Хороводные (карагодные)

1. У ворот, ворот батюшкиных*.
2. Ох, не свет ли заря занималася*.
3. Как назвала жена мужа, она негодяем*.
4. Китай-город*.
5. Хожу я, гуляю вдоль карагода,
Гляжу я, смотрю по всему народу.
6. Верный наш колодезь*.
7. Вился, вился хмелюшка,
Через тын на улицу
В мой зеленый сад,
А в моем саду долина широкая.

¹ Весенние, игровые.

8. Э, выгляньте-ка в' город,
Не поспел ли боб-город?
Мой горошек не поспел,
А в бобиночку созрел.
9. Как по морю*.
10. Э, у нас по травке, у нас по муравке,
Ой, лешеньки люли,
Ходят-гуляет удалой молодчик...
11. А я сеяла ленок*.
12. Как у нашего попа попадья была плоха...
13. Из-за лесу, лесу темного,
Из-за садику зеленого
Там ишло-прошло два молодца —
Холостые, неженатые.
14. Вдоль да по речке,
Вдоль да по широкой
Сизой селезень плывет.
15. Ой ты, улица, ты широкая.
16. У нас-то по травке*.
17. «Кострома».*

Неигровые

18. Ходила я, молода, ой по борочку*.
19. Ходила я по лужку, ступил комар на ножку.
20. Посеяли девки лен*.
21. Кумки, голубки мои,
Не пора ли вам до дому итить.
22. Голова ль ты моя*.
23. Что зелена, зелена в лузе трава*.
24. Червонная калинушка.
25. Есть у лесе две березки вместе*.
26. Веселая беседушка, где батюшка пьет.
27. Ой и поле мое*.
28. Чее ж это поле*.
29. Ах, всходили тучи грозовые*.
30. Коло двух белых берез*.
31. Не велела мне матушка*.

СВАДЕБНЫЕ

1. Я была, молода, в зеленом саду
2. Пропой, пропойничек*.
3. Вопой, волойничек,

Ой, васильин батюшка
Выпил себе чадю
За винную чару.

4. Хвалилась калина, в лугах стоячи,
У лугах стоячи, на воду глядючи:
Кто меня срубит без боли, без ветру?
5. Ой, гуси, вы гуси*.
6. Ой, пейте, гуляйте, зазванные гости!
Да не я вас зазвала, зазвал мой батюшка.
7. Эх, у нас на избе зелье,
Эх, у нас в избе веселье!
А за столом бояре мед-пиво пили.
8. У недельку на утречке собиралася Марьина родня.
9. Ударь, дружка, головою*.
10. Как по морю*.
11. Погнулися сани,
Как бояре сели.
Да не так 'ны погнутся,
Как — меду напьются.
12. Ой, на речке, да на гибкой доске,
Ой, Марьюшка чарочки мыла,
Мымши чарочку, на воду пустила.
13. Ой, защити, батюшка, двор,
Не пускай ерды¹ на двор.

ОСЕННИЕ

1. Закатилось, скажем, яркое солнце
За тыи леса, скажем, за темные.
2. Ко бережку выплывают трое вуток.
3. Несчастная Машенька народилася,
Великое ей горе приключилося.
4. На коничка милый садился,
Эх, к калиточке подкатился,
Ночевать к Дуне просился.
5. Мил по горенке гуляет,
Мил по крутенькой гуляет...
6. Я маленечка была, несмышлешенька была,
Я не знала, что на свете есть любà.
Постояла б я со милым дружкой хоть часочек,
Поглядели б мои глазочки хоть в запас.
7. Эх, сдумай, сдумай, расдушенечка, эх, сдумай про
мине,
Эх, про mine лишь раз... про девушку.
Плач по мужу*.

¹ «ерды» — орды.

ПЕСНИ

ОЙ, ВЫ ЛУГА

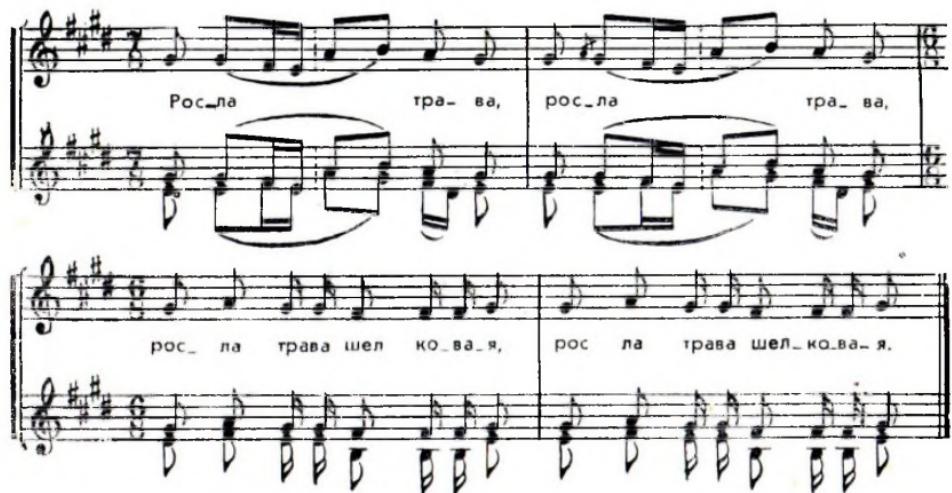
Скоро $\text{♩} = 160-176$
Одна (запевала)

Запевала М. Ив. ВАСЮКОВА
Расшифровка Е. ГИППИУСА

Musical notation for the first part of the song. The key signature is A major (two sharps). The time signature is common time (indicated by '4'). The melody consists of two measures. The lyrics are: 'Ой, вы (э) лу_ га,' followed by a repeat sign and another measure of 'ой, вы (э) лу_ га,'. The notes are primarily eighth notes.

Musical notation for the second part of the song. The key signature changes to G major (one sharp). The time signature is common time. The melody consists of three measures. The lyrics are: 'вы лу_ га, лу_ га, зе_ ле_ ны_ е лу_ га,' followed by a repeat sign and another measure of 'вы лу_ га, лу_ га, зе_ ле_ ны_ е лу_ га,'. The notes are primarily eighth notes.

Musical notation for the third part of the song. The key signature changes to F major (no sharps or flats). The time signature is common time. The melody consists of three measures. The lyrics are: 'вы лу_ га, лу_ га, зе_ ле_ ны_ е лу_ га.' The notes are primarily eighth notes.

Ой, вы (э) луга¹,
 Вы луга, луга, зеленые луга.
 (Как по тем лугам,
 Как по тем лугам выросла трава)
 Росла трава,
 Росла трава, шелковая трава.
 Расцвяли цветы,
 Расцвяли цветы лазоревые.
 Пошли духа,
 Пошли духа малиновые.
 Я на тьем (ы) цветам,
 Я на тьем цветам выкормлю коня.
 Я выкормлю,
 Ой, я выкормлю, выложу яго.
 Ой, я вы(э)ложу,
 Поведу коня ко батюшке,
 Государыне,
 Государыне-матушке:
 — Государь ты мой,
 Государь и ты мой батюшка,
 Государыня,
 Государыня моя матышка!
 Ты примай коня,
 Ты примай коня вороного,
 Привяти слово,
 Привяти слово ласковое —
 Ни отдавай мне,
 Не отдавай мене за старого мужа,

¹ Каждая строка повторяется дважды.

Отдай мне,
Отдай мене за ровенюшку,
За ровнюшку,
За ровнюшку, за детинушку.
Я с ровнею,
Я с ровнею гулять пойду.
А я ровнюшке,
А я ровнюшке калач куплю,
А я старому,
А я старому лихач посулю¹

НА УЛИЦЕ ЁРЖИЦА

Пела М. Ив. ВАСЮКОВА

Расшифровка Н. БАЧИНСКОЙ
(Запись 1940 г.)

Не очень скоро $\text{♩} = 80$

На улице ёржица, ёржица, на ход поднадея

На улице ёржица, ёржица, на двоих мятелица

на двоих мятелица, на росе милой идет, по росе милой идет, Карагод девок ведеть, Карагод девок ведеть.

На улице ёржица, на улице ёржица,
На улице ёржица, на дворе мятелица,
На дворе мятелица, на дворе мятелица.
Не мятелица мятет, холодная роса льет,
Холодная роса льет, по росе милой идет,
По росе милой идет, по росе милой идет
По росе милый идет, карагод девок ведеть,
Карагод девок ведеть, карагод девок ведеть.

¹ Поется на «Филипповках».

А все девки хороши, разлапушки, пригожи¹.
 Одна девка говорлива, с милым речи говорила.
 — Ой ты, миленький, милой, не ходи ко иной,
 Не ходи-ка ты к иной, приходи ко мне к одной,
 Приходи ко мне одной, ты не стукайся,
 Ты не стукайся, ты поскрябайся.
 Рукастая кошка скрябала в окошко,
 А мой батька стар на полатях спал:
 — Эй ты, дочь родьна, ты уздуй огня!
 — А не чорт ли тебя, батька, ночью спрашивает?
 Ой, брысь, провались! На пярины узвались,
 На пярины узвались, под'деяло склонись!
 Стало к свету рассветать, стала думу думовать,
 Стала я думу думовать, куда мне кота девать?
 Положу я кота в подол, положу кота в подол,
 Положу я кота в подол, а понесу его на двор,
 Понесу его на двор, посажу я на забор
 Кот побежал и забор задрожал,
 Вот так, вот так побежал и забор задрожал.
 Подавил (э) же забор и телят и ягнят,
 И телят и ягнят, еще маленьких ребят.
 А мы старых старииков поменяем на быков,
 А мы старых старушек променяем на телушек,
 А мы маленьких ребят променяем на ягнят².

Запевала М. Ив. ВАСЮКОВА

Расшифровка М. ЧЕРЕМУХИНА

(Запись 1953 г.)

Скоро

Одна

На у- ли- це ёр- жи- ца,

Все

ёр- жи- ца, на у- ли- це ёр- жи- ца, на дво- ре мя- те- ли- ца.

Все

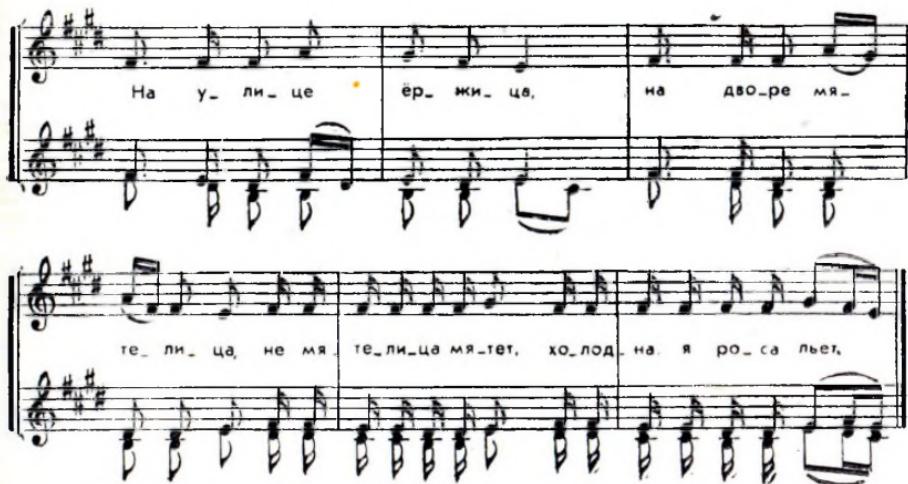
¹ Далее каждая строка исполняется дважды (повторность эта исполнительницами строго не соблюдается).

² Песню называли иначе — «Про кота».

Дорожевцы поют.
Запевает М. Ив. Васюкова («Мáшица»).

Фото С. Шингарева, 1940 г.

ЭЙ, ЯГОР-ЯГОРУШКА

Пела М. ФИНОГЕНОВА
Расшифровка И. КУЛИКОВОЙ
(Запись 1940 г.)

Муз. А. Гайдара
(Запись 1940 г.)

Я горюшка, ой, ку-чуря-ва-я го-
ло вуш-ка! Ой, а ле, ле
Кто те-бя, Я-гор, спо-ро-дил?
Спо-ро-ди-ла ме-ня ма-туш-ка,
ой, а ле, а
ле, а ле ле, а ле ле, а ле
су-дарь ба-тию-шка, а ле ле, а ле ле

*Часть текста прилева осталась нерасшифрованной

Эй, Ягор-Ягорушка,
Ой, кучурявшая головушка!
Ой, а ле ле, а ле ле. А ле ле,
а ле ле, а ле ле!

Кто тебя, Ягор, спородил?
— Спородила меня матушка,
А вскоромил сударь батюшка,
А взнуздала чужая сторона,
А завивала кудри милая моя,
Завивала, приговаривала.
Куда кудерьки ложились,
Туда речи расходились:
— У нас по сеням, по сеношкам,
По новыем, по решетчатым,
Там ходила-похаживала
Молодая боярыня,
Не большая, не малая,
Лизавета Ивановна.
Она будила-пробуживала
Своего друга милого,
Ой, да Сергея Ильиновича.
— Ты восстань, моя ласковая ²,
Пробудись, моя милая!
Я скажу диковинку
Не большую и не малую.
Оторвался вороной конь
От столба от точеного.
А ворвался вороной конь,
А ворвался во зеленый сад,
Притоптал всю калинушку,
Всю калину-малинушку,
Всю пахучую мятушку,
Всю щелковую травушку.

¹ Припев исполняется после каждого двустишия.

² Несогласованность родов наблюдается часто.

ОХ, ЯГОР-ЯГОРУШКА

Запевала М. Ив. ВАСЮКОВА

Расшифровка М. ЧЕРЕМУХИНА

(Запись 1953 г.)

Подвижно

Одна

Musical notation for the song 'Ох, Ягор-Ягорушка'. The music is in 2/4 time with a key signature of one sharp. There are three staves of music. The first staff starts with 'mf' dynamic. The lyrics are: 'Ох, Я_го_р Я_го_рушка, ку_че_ря_ва го_ло_душка!'. The second staff starts with 'Всё' dynamic. The lyrics are: 'А_ле_ля, ле_ля, ле_ля шел_ко_ву_му разу_шку.' The third staff continues the melody.

АВТОРОК СИМЫНОВА

КОДОНОНДА

КАМАРИНСКАЯ

Запевала Е. СИМОНОВА

Расшифровка Е. ГИППИУСА

Скоро ♩=160—168

Одна (запевала)

Musical notation for the song 'Камаринская'. The music is in 2/4 time with a key signature of one sharp. The lyrics are: 'Ах, су_кин сын ка_ ма_ рин_ ский му_ жик, (и)'. The notation shows eighth-note patterns.

Continuation of the musical notation for 'Камаринская'. The lyrics are: 'он не хо_чет свой -му ба_ри_ ну слу_ жить!'. The notation shows eighth-note patterns.

Final continuation of the musical notation for 'Камаринская'. The lyrics are: 'Он бе_ жит, бе_ жит, по_ крех ты.. вя.. ет'. The notation shows eighth-note patterns.

Ах, сукин сын камаринский
мужик, (и)
Он не хочет свойму барину служить!
Он бежит, бежит, по
И за усики подергивает

ЛЕТЕЛ ГОЛУБЬ

Пела А. П. ВАСЮКОВА
Расшифровка И. КУЛИКОВОЙ

Довольно скоро

(P P)

1. Ле-тел- п(ы) го-луб(ы), ле-те- п(ы) го-луб(ы),

ле- тел го- луб со чу- жой сто- ро- ны,

ле- тел го- луб со чу- жой сто- ро- ны.

(P)

2. Ска-жи, го- луб, ска- жи, го- луб(ы),

ска- жи, го- луб, чи- я же- на хо- ро- ша,

ска- жи, го- луб, чи- я же- на хо- ро- ша?

Летел (ы) голуб (ы)¹.

Летел голуб со чужой стороны.

— Скажи, голуб (ы),

Скажи, голуб, чия жена хороша?

— У барина,

У барина да жена хороша.

У хресянина,

У хресянина еще лучше его!

— Хресянин мой,

Хрестьянин мой, поменяюсь я с
тобой.

— Боярин мой,

Боярин мой, не меняю я с тобой.

Мою жену,

Мою жену часто в гости зовутъ,

Мине мужа,

Мине, мужа, приговаривають.

А все мужа,

А все мужа по жене честять.

Мою жену,

Мою жену у коляске везуть,

Мине мужа,

Мине, мужа, новобрятке ведеть.

А все мужа,

А все мужа по жене честятъ.

Мою жену,

Мою жену да у пир за стол.

Мине мужа,

¹ В пеане все строки, кроме последней, повторяются.

Мине, мужа, да на печь за стол.
А все мужа,
А все мужа по жене честят
Моей жене,
Моей жене да пива и вина,
А мне мужу,
А мне, мужу, ни помо (ев), ни воды,
А все мужа,
А все мужа по жене честят.

Моей жене,
Моей жене пироги-калачи,
А мне мужу,
А мне, мужу, кулаки-судаки¹.
А все мужа,
А все мужа по жене честят!

ВОСХОДИЛ МЕСЯЦ ВЫШЕ ГОРОДА
Э, восходил месяц выше города,
Ох, а лей ляле э ладу²
Выше города, выше нового.
Обсветил месяц всю землю и воду,
Всю землę и воду и мине молоду,
И мине молоду на долинушке,
На долинушке белай лен брамши,
Белай лен брамши, у ряды сламши.
Как лятыть, лятыть каменна стрела,
'На лятыть высако й 'на стрялить даляко,
Хочить застрялить и доброго молодца,
Доброго молодца, что йдин сын у отца,
Что йдин сын у отца с матерью.
Ох, и мати плачить — там река стоить,
А сестра плачить — ручай бегать,
А жена п(ы)лачить — там и роса стоить!
Ох, и мать плачить век до веку,
А сестра плачеть год до году,
А жена плачеть день и да вечера,
День да вечера — слухать нечего.
Ох, а ночь пришла, шельма гулять и пошла,
Вечеринкою со лучинкою,
Позараночком и с огарочком,
Ох, а лужком и лужком и со милым дружком.

¹ «Так и дам судушку» — дам кулаком. Песню пели хором в селе Соколове на улице.

² Припев повторяется после каждого стиха; в пересказке произносят «ладо»; некоторые говорили, что эту песню «поют, как лен дергают» (П. Шейн. Великорус, текст 1190. СПб., 1902) Песню исполнительница слыхала только от матери, когда она пела одна под прялку «лет сорок пять назад» (то есть в конце XIX в.)

ПОД ГОРОЮ ДИВО

Запевала Е. СИМОНОВА

Расшифровка М. ЧЕРЕМУХИНА

Подвижно

Одна

Под горою диво —¹
Жена мужа би...ла,
Жена мужа била,
Не худому вчи...ла:

— Вей, вей, муж, оборы,
Плети жене ла...пти!
Серед торгу на базаре
Барэбаны би...ли.

¹ Каждая строка песни исполняется дважды.

Барэбаны били,
Указы чита .ли,
Указы-казы читали,
Солдат выбирали.

Мой муж негодный,
Ни куды негод...ный, —
Ни в солдаты, ни в майоры,
Ни бить ы барабы ..ны.

Только мой муж пригодился
На печи вэля...ться,
По печи валяться,
Со мной огрыза...ться.

А я, млада, догадалась —
Кочергою в зу . бы,
Кочергой в зубы,
Помелом у гу ...бы.

А я стала ль по суставам,
Гребяжищем по костищам:
— Вей, вей, муж, оборы,
Плели жене ла ... пти¹.

КАК ПОВАДИЛСЯ КОТОК

Запевала А. ЖЕЛТОВА
Расшифровка Н. БАЧИНСКОЙ
(Запись 1940 г.)

Умеренно ♩=78

Одна (запечатана)

Как по-вадил-ся ко-то-кок во сту-де-ный по-гребок,

Все

Ох,

ох,

ох!

Одна

В(э) сту-де-ный по-гребок(ы) по сме та ну, по т(ы)ла-рог

² Пели зимой на «нослечках», в исполнении стали инсценировать в хороводную.

Как повадился коток
Во холодный¹ погребок,
О-о-ох, о-о-ох, ох и эх ах-о!²
Во холодный погребок
По смятану, по творог,
По смятану, по творог,
Э, за кислое молоко,
Э, за кислое молоко.
Как увидела кэта,
Как увидела кэта
Евдокия из вокна,
Евдокия из вокна.
Узяла ж она кота,
Узяла ж она кота
Поперек э живота,
Поперек э живота.
Как ударила кота,
Как ударила кота
Об сырьу мать-землю.
Об сырьу мать-землю:
—Ох, и вот тебе, коток,
Ох, и вот тебе, коток,
И сметана и творог,
И сметана и творог,
И кислое молоко!³

Запевала Е. СИМОНОВА
Расшифровка Е. ГИППИУСА
(Запись 1953 г.)

Довольно медленно =66—69

Одна (запевала)

¹ В пении иногда «студеный».

² Припев повторяется после каждого двустишия.

³ Поется женщинами только на святах, часто во время прядения.

УЖ Я ЗОЛОТО ХОРОНЮ
(игровая)

Я золото хороню,
Я серебро хороню.
Мое золото пропало,
Чистым порухом запало,
Позаивнело,
Позаплесневало.
Гадай, гадай, девица,
Чии руки белятся?
— А мне не угадати,
Молодцу не сказать!
Ой, вы кумки мои,
Вы голубки мои!
Вы скажите, не потайте —
Миня мать хочет бить,
Миня мать хочет бить
А в четыре прута,
Пятая — лозина
По ж возила¹

¹ Описание игры см. стр. 129.

Я БЫЛА, БЫЛА НА ТОМ КОНЦЕ

Э, я была, была на том конце,
Э, я пила, пила вино в карце.
А леле, а леле, ай ле, а леле,
 а леле, а ле¹.

А я пила, пила вино в карце,
А я видела диковинку.

А я видела диковинку:
У нас по сеням да по сенюшкам,
У нас по сеням да по сенюшкам,
По новым да по решетчатым
Там ходила, похаживала
Молодая боярыня.

Молодая боярыня
Да, ой, Марья Ильинечна.

Она будила, пробуживала
Своего друга милого.

Своего друга милого
Да Ивана Яковлевича:

— Ты восстань, моя дружечика,
Гы восстань, моя ласковая.

Я скажу тебе диковину
Не большую и не малую,
Не большую и не малую.
Оторвался вороный конь,
Оторвался вороный конь
От столба от точеного,
От столба от точеного,
От кольца полуженого.

И ворвался вороной конь,
Ворвался во зеленый сад,

Притоптал калинушку,
Всю калину-малинушку.

Всю калинушку-малинушку,
Всю пахучую мятушку.

Всю пахучую мятушку,
Всю шелковую муравушку.

¹ Припев повторяется после каждого двустишия.

В КАРАЧЕВЕ НА ЯРМАНКЕ

В Карабче на ярманке
Проявился такой молодец,
А лелё, а лелё, а леле, а леле,
 айле¹

Проявился такой молодец.
Ен по торгу похаживает,
Ен по торгу похаживает,
И каменно ружье заряживасть,
И каменно ружье заряживасть —
И выше леса, выше темного,
И выше леса, выше темного,
Выше сада зеленого,
Выше сада зеленого
На полете ясны соколы,
На полете ясны соколы.
Ох, на горушке огонюшк горить,
А на горушке огонюшк горить,
Мине молодца головушка болить.
'На болить, болить неможется,
В деревне жить не хочется.
А в деревне мужики-дураки,
Разуван все, лапотники.

ПО УЛИЦЕ ТРЫНКИ-ВОЛЫНКИ

По улице тринки-волынки,
Молодые скомороги²,
Эй леле, лелей лё, эй, лелё, лелей
 лё³.

Молодые скомороги.
Они скакали, плясали.
Они скакали, плясали,
Чёботики растрепали.
— Эх, ты, чёбы-чёботовочек,
Здравствуй, миленький дружочек!
Чи живешь, чи горюешь,
Чи во царстве царюешь?
Я живу не горюю,
Я во царстве царюю.

¹ Припев исполняется после каждого двустишия.

² Слов «волынки» и «скоморохи» исполнительница (А. П. Васюкова) не понимала.

³ Припев исполняется после каждого двустишия.

Свекор с печки убился,
 За корыто завалился.
 За корыто завалился,
 Мякиною подавился.
 Кабы я была мостница,
 Я б повыше подмостила.
 Я б повыше подмостила,
 Я б подалее пихнула.
 Я б подалее пихнула,
 Ручку, ножку свихнула.
 Ручку, ножку свихнула.
 Буйну голову б сломила.

ЗАИГРАЙ, МОЯ ВОЛЫНКА

Запевала А. П. ВАСЮКОВА
 Расшифровка Е. ГИППИУСА

От $\text{d}=100$, ускоряя до $\text{d}=116$

За_играй, мо_я во_лын_ка, за_гу_ди_ мой гу_до_ чек!
 Ой_ ли, а_ ли, лей_ ле, а_ ле_ ле_ ле, а_ лей_ ле!

За_гу_ди_ мой гу_до_ чек, до_га_дай_ся, мой дру_жо_ чек!
 Ой_ ле, а_й ле_ лей_ ле, а_ ле, а_ ле, ле_ ле_ лой, ле!

Заиграй, моя волынка,
Загуди, мой гудочек!
Ой ли, али, лейля, алё, аля лейлё¹.
Загуди, мой гудочек,
Догадайся, мой дружочек!
Догадайся, мой дружочек,
Либо выйди, либо вышли,
Либо Дарью, либо Марью,
Либо Дарью, либо Марью,
Либо душечку Катюшу
Катюшечка догадалась,
Скорехонько пометалась,
Скорехонько пометалась.
А она думала — десятской,
А она думала — десятской,
А он, сукин сын—посадской,
А он, сукин сын—посадской
И в детинных порточках...²

¹ Припев исполняется после большинства двустиший.

² Конец забыт

ОЙ, НЕ ЕЛЬ МОЯ

Запевала М. Ив. ВАСЮКОВА
Расшифровка Е. ГИППИУСА

Не очень скоро, тяжело! =66

Одна

Все

Ой не ель моя, ой да ель зеленая,
Ель зеленая, люли, ель зелена...
Под тобою ж, ель, ой да ель, стояла, (ах),
Ель, стояла, ой, люли, ель, стояла,
А я ножички, ой да ножички привстояла, (ой),
Привстояла, люли, привстояла.
А я глазутки ой и проглядела, (ой),
Проглядела, люли, проглядела:
Своего батюшку ой и в гости ждала,
В гости ждала, люли, в гости ждала.
А я родного ой да не дождала, (ой),
Не дождала, люли, не дождала.
Ой да батюшка мой, ой да мой родимый, (ой),
Мой родимый, люли, мой родимый!
Чего ж ты ко мне ой в гости не едешь, (ой),
В гости не едешь, люли, в гости не едешь,
Меня молоду ой да не навестишь, (ой),
Не навестишь, люли, не навестишь?
—Дите ты мое ой да дорогое, (ой),
Дорогое, люли, дорогое!
Заняла ж меня ой да непогода, (ой),
Непогода, люли, непогода:
Ой, зимою я ой да за снегами, (ой),
За снегами, люли, за снегами,
Великим постом ой да за возами, (ой),
За возами, люли, за возами,

Теплым летичком ой да за жарами, (ой),
 За жарами, люли, за жарами.
 А зимою ж-то ой да у возочку, (ой),
 У возочку, люли, у возочку,
 На вороненьком ой да на конечку, (ой),
 На конечку, люли, на конечку
 Великим постом ой да на челночку, (ой),
 На челночку, люли, на челночку
 Теплым летичком ой да в тележонке, (ой),
 В тележонке, люли, в тележонке.
 На коростовой ой да лошаденке, (ой),
 Лошаденке, люли, лошаденке!

ЗА РЕКОЮ, МАТУШКА, ГУСЛИ ГУДУТ

Умеренно =88
 Одна (запевала)

Запевала М. ФИНОГЕНОВА
 Расшифровка Е. ГИППИУСА
 (Запись 1940 г.)

За рякою, матушка,
 Гусли гудут, гуслюшки.
 За быстрой, сударыня,
 Звончатые, звончатые.
 Пусти мне, матушка,
 Гусель слыхать, гусельюшек.
 — Пустить мне тебя, детистя,
 Да век не видать, век не видать.
 — Приду, приду, матушка,
 На великий день, на великий день

С э красненьким, матушка,
Со яичком, со яичком,
Да с э миленьким, матушка,
Со дружочком, со дружочком,
Э са малою, матушка,
Со детею, со детею¹.

Довольно медленно
Очень напряженно $\text{d}=93$
Одна (запевала)

Запевала М. Ив. ВАСЮКОВА
Расшифровка Е. ГИППИУСА
(Запись 1953 г.)

The musical score consists of two staves of music. The top staff is for the voice, and the bottom staff is for the piano. The lyrics are written below the notes in a rhythmic pattern. The vocal part starts with "За ряко ю, ма тушка," followed by "гусь ли гу дуй," then "гу се люшки," and "за быстрой суда ры, на." The piano part provides harmonic support with chords and bass lines. Measure numbers 1, 3, 4, 6, and 8 are indicated above the staff.

ОЙ, МАСЛЯНАЯ ПОКУРГУЗКА

Одна
Не очень скоро, тяжело $\text{d}=66$ *mp*

Запевала М. Ив. ВАСЮКОВА
Расшифровка Е. ГИППИУСА
(Запись 1940 г.)

The musical score consists of two staves of music. The top staff is for the voice, and the bottom staff is for the piano. The lyrics are written below the notes in a rhythmic pattern. The vocal part starts with "Не очень скоро, тяжело," followed by "все" (indicated by a bracket), and then continues with "з." (indicated by a bracket). The piano part provides harmonic support with chords and bass lines. Measure number 66 is indicated above the staff.

1. Ой мас ля на я, ай по кур гуз ка, ай!
3. Ой мас ля на я, эх ка на ду ха, он!

¹ Певицы относят эту песню к масленичным, однако слышать ее довелось и во время великой посты.

По кур-гуз-ка, лю-ли, по-кур-гуз-ка!
 Ка-на-ду-ха, лю-ли, ка-на-ду-ха!
 Одна
 Все
 2. Про-во-дим те-бя, эх, ста-нет груз-ко, ко, ой!
 4. По-тя-ни-сь ко-ты, эх, хот-до ду-ха, хот-до ду-ха.
 Ой! ой!
 Ста-нет груз-ко, лю-ли, ста-нет груз-ко, лю-ли, Хот-до ду-ха, хот-до ду-ха.
 Хот-до ду-ха,

Ой масляная, ай покургужка, ай!
 Покургужка, люли, покургужка!
 Проводим тебя, эх, станет грузко, ой!
 Станет грузко, люли, станет грузко.

Ой масляная, эх канадуха, ой!
 Канадуха, люли, канадуха!
 Потянишь-ка ты, эх, хоть до духа, ой!
 Хоть до духа, люли, хоть до духа.

Ой масляныя, эх, обманяка, ой!
 Обманяка, люли, обманяка!
 Отдадим тебя, эх, за монаха, ой!
 За монаха, люли, за монаха.

Ой масляныя, эх полизуха, ой!
 Полизуха, люли, полизуха!
 Полизала 'на, ой, курьи яйца, ой!
 Курьи яйцы, люли, курьи яйцы.

Ой масляныя, эх полизуха, ой!
 Полизуха, люли, полизуха!
 Полизала она сыр да масло, ой!
 Сыр да масло, люли, сыр да масло.

Сыр да масло, ой курьи яйца, ой!
 Курьи яйца, люли, курьи яйца!
 Ох, курьи яйца, эх, и каравайце, ой!
 Караваеце, люли, а караваеце.

Запевала Е. ВАСЮКОВА
Расшифровка Е. ГИППИУСА
(Запись 1953 г.)

Энергично, с напором $\text{♩} = 72$

Одна (запевала)

Musical score for the first part of the song. The vocal line consists of eighth and sixteenth notes. The lyrics are: Ma-sля-ni-ца, по_кур_гуз_ка (ой), Все (а-ой). The piano accompaniment provides harmonic support.

Musical score for the second part of the song. The vocal line consists of eighth and sixteenth notes. The lyrics are: ой, лю-ли, по_кур_гуз_ка. The piano accompaniment continues to provide harmonic support.

Musical score for the third part of the song. The vocal line consists of eighth and sixteenth notes. The lyrics are: по_кур_гуз_ка, лю-ли, по_кур_гуз_ка, Про-во-дим тे-бя, ста-нет груз_ко (ой). The piano accompaniment continues to provide harmonic support.

Musical score for the fourth part of the song. The vocal line consists of eighth and sixteenth notes. The lyrics are: ста-нет груз_ко, лю-ли, ста-нет груз_ко. The piano accompaniment continues to provide harmonic support.

РЕЧУШКА ТЕКУЧАЯ

Ой ты, речушка текучая,
Ах, ты текучая, бягучая! (2)¹
Ох, и
 да как тебе не скучетца (2)
Ох, и
 по темному лесу текучи, (2)
Ох, и
 все по пням, по колодошкам, (2)
Ах, и
 все по прелым по пенушкам? (2)
Ох, и
 молодице молоденькаё,
Ох, и
 да как и тебе не скучется (2)
Ох, и
 за плахым (ы) мужем житючи, (2)
Ох, и
 за плахэю худо-долею? (2)
— Ох, и
 вы, сястрицы, подружки мае, (2)
Ох, и
 вы укажите, как мне мужа сжить? (2)
— Ох, и
 ты, сестрица, подружунька мае! (2)
Ох, и
 ты сходи-ка во чисто поле, (2)
Ох, и
 ты нарви-ка хмелю ярого, (2)
Ох, и
 натопи-ка пива пьяного, (2)
Ох, и
 ты напой же яго до пьяна. (2)
Ох, и
 ты положь яго серед двэра, (2)
О, серяди двора на погребе. (2)
О, обклади його соломою,
Ох, и
 соломою-то аржаною, соломою все аржаною,
Ты подожги яго лучиною, пыдыжги яго лучиною,
Ох, и

¹ (2) здесь и далее обозначает повторение строки.

лучишаю все бирезэваю. (2)

Ох, и

сэма выди за варотечьке, (2)

Ох, и крикни, гаркни громким

голосом:

— Ох, и вы, сестрицы, подружки
мое,

Ох, и моего мужа гром убил,

Ой, и молоньею глаза выпекло!

ГОРЕЛЫЙ ПЕНЬ

Да горелый пень, да и конопель
С сачком, с молочком, с козиным бобочком.

Не горело, не болело, конопель захотело

С сачком, с молочком, с козиным бобочком.

Да горелая маковка, маковка

Да зеленое вишенье, желтый цвет!

Да летел петух с Киева, с Киева,

Да на нем платье синее, синее!

Да летел петух с Почепа, с Почепа,

Да на нем платье строчено, строчено!¹

ГОРИ, ГОРИ ГАРКО

(игровая)

Запевала А. П. ВАСЮКОВА

Расшифровка И. КУЛИКОВОЙ

(Запись 1940 г.)

Оживленчо $\text{d}=108$

Го...ри, го...ри га...р(ы)...ко, при...е...хал За...

х...а...р(ы)...ка, сам...(ы) на ко... был...ы...ке, же...на на те...

леж...ке, дет...ки на лож...ках, со...бас...ки на...

дрож...ках, ку...ры на по...пет...ке.

¹ Игровая. Играют и взрослые и дети, бегая по твердому снегу («сёну»).

Гори, гори гаркъ,
Приехал Захарка,
Сам на кобылке,
Жена на тележке,
Детки на ложках,
Собаки на дрожках,
Куры на лопатках.

Расшифровка Е. ГИППИУСА
(Запись 1953 г.)

Скорость=160—168

The musical score consists of two staves of music. The top staff starts with a treble clef, a key signature of one sharp, and a 4/4 time signature. It contains lyrics: 'Го_ри, го_ри гар_ко,' followed by a measure break, then 'при_е_хал За_хар_ка.' The bottom staff starts with a treble clef, a key signature of one sharp, and a 2/4 time signature. It contains lyrics: 'сам на ко_ был_ ке,' followed by a measure break, then 'дет ки на лож_ ках, же_ на на те_ леж_ ке,' followed by another measure break, then 'со_ баки на дром_ ках, ку_ ры на ло_ пат_ ках.'

А МЫ ПАШНЮ ПАХАЛИ

Запевала Е. СИМОНОВА
Расшифровка Е. ГИППИУСА

Довольно медленно $\text{♩} = 72-80$

4

Все ли пали до па... хо... ли, па... хо... ли

Вариант А

Э, мы пашню пахали, пахали,
А ли ладо, пахали, пахали!
А мы просо сеяли, сеяли,
А ли ладо, сеяли, сеяли!
А мы просо лымали, лымали,¹
А ли ладо, лымали, лымали!
А чем же вы будете просо ломать,
ломать?²

А мы коня выпустим, выпустим,
А ли ладо, выпустим, выпустим!
А мы коня спыймаем, спыймаем,
А ли ладо, спыймаем, спыймаеам!
А мы коня спутаем, спутаем,
А ли ладо спутаем, спутаем!
А мы путо рассекем, рассекем,
А ли ладо рассекем, рассекем!

Отличия в варианте Б

А ли ладо — Э-ой ладо.
В 3-м куплете:
А мы просо потопчем!
7-й и 8-й куплеты:
За коника десять рублей!
А мы дадим тысячу,

¹ В слове «лымали» первая гласная звучала как средняя между ы и а.

² Певица явно сбилась с ритма и, сознавая это, не сумела исправить.

Вариант В¹

А мы пашню пахали, пахали,
 Да зеленое вишенье, желтый цвет²
 А мы просо сеяли, сеяли.
 А мы просо вытопчем, вытопчем!
 А чем же вам вытоптать, вытоптать?
 А мы коня выпустим, выпустим!
 А мы дадим денежку, денежку
 А мы за денежку девушку, девушку!
 А мы дадим полушку, полушку.
 А мы за полушку старушку, старушку!

ЗАПЛЕТИСЯ, ПЛЕТЕНЬ

(игровая)

Запевала Т. ИЗОБИКОВА
 Расшифровка Е. ГИППИУСА

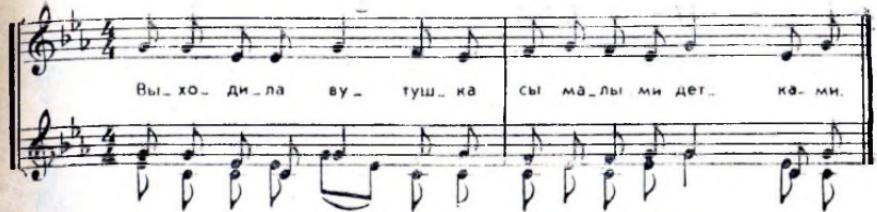
Умеренно ♩ = 100—116

Одна (запевала)

The musical score consists of three staves. The top staff is for the voice, starting with a treble clef, a key signature of one flat, and a common time signature. It contains lyrics in Russian: "За пле-ти-ся, п-ле-тень, за пле-ти-ся," followed by a repeat sign and "за-вер-ни-ся тру-ба зо-ло-тая," and concluding with "до-га-дай-ся, ку-ма мо... ло да-я." The middle staff is for the piano, featuring a bass clef and a common time signature. The bottom staff is also for the piano, also in common time.

¹ По словам певицы, песня в таком варианте была «великопостной».

² Припев исполняется после каждой строки.

Заплетися, плетень, заплетися,
Завернися труба золотая,
Догадайся, кума молодая.

Выходила вуушка¹
Сы малыми детсками.

Текст повторяют, пока все не сплетут руки; потом расплетают под пение;

Расплетися, плетень, расплетися,
Развернися труба золотая,
Догадайся, кума молодая.
Выходила вутушка
Сы малыми детушками.

ОБКРУЖУСЬ. ОБЧЕРТЮСЬ

Довольно медленно =56

Запевала М. Ил ВАСЮКОВА
Расшифровка И. КУЛИКОВОЙ

Музыкальный материал из песни "Одна Двое".

Одна

Об- кру- жусь, об- чер- тлюсь от ру- са- лок,

Двое

от се- миц- ких, от кри- вых, от сле- пых

¹ У другой певицы — вотушка

Обкружусь, обчертюсь
От русалок, от семицких,
От кривых, от слепых,
От голо...
От голо...

ЗАВЬЮ ВЕНКИ

Запевала М. Иль ВАСЮКОВА
Расшифровка И. КУЛИКОВОЙ

Подвижно $\text{♩} = 104$

Одна

Двое

За_ вью вен_ ки на _ все клен_

... ки, чтоб ка_ пу_ стка ви_ лась, за_ ви_ ви_ ла_ ся.

Завью венки
На все кленки,
Чтоб капустка вилась,
Завивалася,
Чтоб пойрей... .

Под осинкою
С хворостинкою,
Под березкою
С кочережкою,
На кривом мосту¹

У ВОРОТ, У ВОРОТ БАТЮШКИНЫХ

Запевала Е. СИМОНОВА
Расшифровка Н. БАЧИНСКОЙ
(Запись 1940 г.)

$\text{♩} = 92$

Одна

Все

У во_ рот, у во_ рот, во_ рот ба_ тюшк_ ных,

¹ Пели на следующий день после «Духова дня», во время обряда завивания березы. Через неделю, при «развивании» повторяли песню; «завью» заменили словом «разовью».

У ворот, у ворот, ворот батюшкиных,
Ой, Дунай, мой Дунай, веселый Дунай! ¹
Ворот батюшкиных, новых матушкиных
Разгуляли ся ребята, распотелись.
Одному молодому гулять хочется,
Куда хочется, да нездоровится.

А я украдуся, да нагуляюся:
Я сапожки на ножки, черну (с) шляпу на ухо,
Черну шляпу на вухо, перчаточки на руки,
Перчаточки на руки, зелен кафтан на плечо,
Зелен кафтан на плечо да яй гудочек под полу.
Э, гудочек под полу, под правую сторону,
Под правую сторону, сам на улицу пойду.
Сам на улицу пойду, в карагод к девкам зайду.
Сам я сяду на скамью, на дубовую доску,
Заиграю я (в) струну, струну серебрянку:
— В ж послушайте, ребята, что струна говорит,
Что струна говорит, мне жениться велит:
Стару бабушку узять, на печи в угле держать,
На печи в угле держать, чаем, кохвеем поить,
Чаем, кохвеем поить и киселем ее кормить,

¹ Припев повторяется после каждого стиха.

Киселем ее кормить, молоком ее поить,
 Молоком ее поить, конфетами забавлять.
 Как с того киселя стала баба весела,
 С этого молока стала баба молода.

Запевала Е. Д. ЗАСЮКОВА

Расшифровка Е. ГИППИУСА

(Запись 1953 г.)

Умеренно $\text{♩} = 100$

Одна (запевала)

The musical score consists of four staves of music for voice and piano. The top staff shows the vocal line with lyrics in Russian. The piano accompaniment is provided in the bottom three staves. The lyrics are as follows:

Staff 1 (Vocal):

- у во- рот, во- рот
- во-рот ба- тюш-ки- ных...

Staff 2 (Piano):

- Двое — запевала и подголосница
ве- се- лый Ду- най.
- ои, Ду- най мой, Ду- най,
- ой, ве- се- лый...
- ой, ве- се- лый Ду- най.

Staff 3 (Piano):

- Все
- ои, ве- се- лый...

Staff 4 (Piano):

- Во- рот ба- тюш-ки- ных,
- но- вых ма- туш-ки- ных...

Staff 5 (Piano):

- Все
- ве- се- лый Ду- най.

Staff 6 (Vocal):

- ои, Ду- най мой, Ду- най,
- ой, ве- се- лый Ду- най.

ОЙ, НЕ СВЕТ ЛИ ЗАРЯ ЗАНИМАЛСЯ

Запевала М. Ив. ВАСЮКОВА

Расшифровка Е. ГИППИУСА

Медленно

Одна (запевала)

Ох, не свет ли заря занималася

ой, яли да мали, занималася.

Все

Ох, ясное солнце закаталось,

Все

ой, яли (да) мали

Ох, не свет ли заря занималася,
Ой яли да мали, занималася,
Ох, ясное солнце закаталось,
Ой яли (да) мали, закаталось.

Ох, мой ли муж во больных лежит,
Ой яли да мали, во больных лежит,
Эй, в больных же лежит, во постельюшке,
Ой яли да мали, во постельюшке.

Ой, захотел ли мой муж студеной воды,
Ой яли да мали, студеной воды,
Студеной же воды со Дунай реки,
Ой яли да мали, со Дунай реки.

Со Дунай же реки, со трех колодезев,
Ой яли да мали, со трех колодезев.
Приказал мой муж и в три часа сходить,
Ой яли да мали, в три часа сходить,

В три часа сходитъ, в три минуточки,
Ой яли да мали в три минуточки.
Ой, в первый час со двору сошла,
Ой яли да мали, со двору сошла,
Э, в втором часу воду черипала,
Ой яли да мали, воду черипала,
Ой, во третий час ко двору пришла,
Ой яли да мали, ко двору пришла.

Прихожу я ко двору, приношу воду,
Ой яли да мали, приношу воду.
Э ох, и мой постыл без воды застыл,
Ой яли да мали, без воды застыл.

Ох, а мать с отцом в головах стоять,
Ой яли да мали, в головах стоять.
Эх, сестра с братом во ногах стоять,
Ой яли да мали, а в ногах и стоять.

Ой, молодая жена же середи его,
Ой яли да мали середи его.
Середи да его думу думает,
Ой яли да мали, думу думает.

Ой да и как мне быть, как и по ем тужить,
Ой яли да мали, как по нем тужить?
Ой и стань я плакать — да вся сплачешься,
Ой яли да мали, и вся исплачешься.

Ой и стану я тужить — и все стужиться,
Ой яли да мали, и все стужиться.
Ой да одна слеза покатилася,
Ой яли да мали, покатилася,

Ой и тая назад звротилася,
Ой яли да мали, звротилася.
Ах, а я в луг пойду, семерых найду,
Ой яли да мали, семерых найду

Середи луга — четыре друга,
Ой яли да мали, четыре друга.
Ох, ко двору иду, одного веду,
Ой яли да мали, одного веду

Ох да мой постыл из мертвых у(в)стал,
Ой яли да мали, из мертвых у(в)стал,
Эх, из мертвых у(в)стал, целоваться стал,
Ой яли да мали, целоваться стал¹.

¹ Пели девки и бабы после «святой». В середине хоровода клали парня, его голову покрывали платком.

КАК НАЗВАЛА ЖЕНА МУЖА

Запевала Е. СИМОНОВА.

Расшифровка Е. ГИППИУСА

Довольно скоро $\text{♩} = 108-120$
Одна (запевала)

Как наз-ва-ла же-на му-жа, о- на не-го- дя- ем,
Все

ой лю-ли, спа-лю-ли, о- на не-го- дя- ем.

Ты пой-дем- ка, не-год-ный, пойдем к тес-тию в го- сти,

ой, лю- ли, спа-лю- ли, пойдем ктес-тию в го- сти.

Как назвала жена мужа, она негодяем,
Ой люли спа-люли, она негодяем.
— Ты пойдем-ка, негодный, пойдем к тестю в гости,
Ой люли спа-люли, пойдем к тестю в гости!
Ой, шла молода, ой, я мимо рощи,
Ой люли спа-люли, а я мимо рощи.
Завидела молода белую березу,
Ой люли спа-люли, белую березу.
— О, превяжу тебя, негодный, ко белой березе,
Ой люли спа-люли, ко белой березе,

А сама молода пойду загуляю,
Ой люли спа-люли, пойду загуляю!
Эх, всех девять деньков к мужу не бываю,
Ой люли спа-люли, к мужу не бываю.
На десятый денек а я приходила,
Ой люли спа-люли, а я приходила.
Не дохдя до него, а я становилась,
Ой люли спа-люли, а я становилась,
Подошла к нему поближе, низко склонилась,
Ой люли спа-люли, низко склонилась:
— Хорошо тебе, негодный, в пиру пировати,
Ой люли спа-люли, в пиру пировати?
— Государыня жена, а мне не до перу,
Ой, да люли спа-люли, а мне не до перу,
Не до пиру, не до еду, не сладкого меду,
Ой люли спа-люли, сладкого меду
Мне комарики глазки да все искусили,
Ой люли спа-люли, да все искусили.
Мне соловушки голову да всю раздолбили,
Ой люли спа-люли, да всю раздолбили.
Мне разбойнички рубашку всю разодрали,
Ой люли спа-люли, да всю разодрали.
— Отвяжу тебя, негодный, да все с договором,
Ой люли спа-люли, да все с договором.
Ты и будешь ли, негодный, пушать mine в гости,
Ой люли спа-люли, пушать mine в гости?
— Государыня жена, ступай куда хочишь,
Ой люли спа-люли, ступай, куда хочишь!
— Отвяжу тебя, негодный, да все с договором,
Ой люли спа-люли, да все с договором:
Ты и будешь ли, негодный, давать лошаденку,
Ой люли спа-люли, давать лошаденку?
— Государыня жена, бери хочь и тройку,
Ой люли спа-люли, бери хочь и тройку!
— Отпущу тебя, негодный, а все с договором,
Ой люли спа-люли, да все с договором:
А ты будешь ли, негодный, давать тележонку,
Ой люли спа-люли, давать тележонку?
— Государыня жена, бери хочь коляску,
Ой, люли спа-люли, бери хочь коляску!
— Отвяжу тебя, негодный, а все с договором,
Ой люли спа-люли, а все с договором.

А ты будешь ли, негодный, поить меня квасом,
Ой люли спа-люли, поить меня квасом?

— Государыня жена, а я буду сатою,¹
Ой люли спа-люли, а я буду сатою.

Я сытою, я сытою, сладкой, медовою,
Ой люли спа-люли, сладкой, медовою!

— Отвяжу тебя, негодный, я все с договором,
Ой люли спа-люли, я все с договором:

Ты и будешь ли, негодный, кормить меня хлебом,
Ой люли спа-люли, кормить меня хлебом?

— Государыня жена, буду калачами,
Ой люли спа-люли, буду калачами².

КИТАЙ-ГОРОД

Я поеду, я в Китай-горэд гуляти, э-ох,
Я китайского ж товару закупати (2), э-ох,
Закуплю своей жене я покупку (2), э-ох.

Я такой же распредиковинный платочек (2), о-ох.

Я приеду ко жене ль, покорюся (2), о-ох.

Я низехоньке жене поклонюся (2), о-ох:

— И что, здорова ль моя жена молэдая (2), о-ох?

Ты примай, жена ж, подарок, не ломайся (2), о-ох,
Душа-сердыце мое ли, не гордися (2), о-ох, э.

Поглядите-ка ж, добрые люди (2), о-ох,

Как жена ж меня молодца не любить (2), о-ох,

'На и не любить, 'на и не любить, не целуеть (2), о-ох.

Я поеду в Китай-город гуляти (2), о-ох,

Я китайского товару закупати (2), о-ох,

Закуплю своей жене я покупку (2), о-ох.

Я такую распродиковинную плетку (2), о-ох.

Я приеду ко жене ль, не корюся (2), о-ох,

Я низехоньке жене не кленося (2), о-ох.

— И что, здорова ль моя жена молэдая (2), о-ох?

Ты примай, жена ж, подарок, не ломайся (2), о-ох.

Душа-сердыце мое ли все гордится (2), о-ох.

Поглядите-ка ж, добрые люди (2), о-ох,

Как жена ж меня молодца полюбить (2), о-ох.

Ох, и она ж полюбить, полюбить, поцелуеть (2)³.

¹ «Сатою» — сытою.

² Песня живо инсценировалась в хороводной игре.

³ Описание игры см. стр. 129.

ВЕРНЫЙ НАШ КОЛОДЕЗЬ

Запевала Е. СИМОНОВА
Расшифровка Е. ГИППИУСА

Скоро $\text{J} = 132-144$

Одна (запевала)

The musical score consists of four staves of music in G major, 2/4 time. The lyrics are written below each staff.

Staff 1: Вер- ный наш ко-ло-дезь, вер- ный наш лу-го-вой,

Staff 2: а что сто-иши — во-ды нет, а что сто-иши — во-ды нет.
Все

Staff 3: Конь во-ду вы-пи-вал, конь во-ду вы-пи-вал,

Staff 4: ко-пыт-ом зем-лю вы-се-кал, ко-пыт-ом зем-лю вы-се-кал.

Верный наш колодезь,
Верный наш луговой,
А что стоишь — воды нет. (2)
Конь воду выпивал, (2)
Копытом землю высекал. (2)
Нашего хозяина,
Нашего молодого
Дома не случилося. (2)

Поехал наш хозяин,
 Поехал молодой
 В Орел-город погулять. (2)
 Привезить наш хозяин,
 Привезить наш молодой
 Орловскую девицу,
 Выведить на улицу (2)
 — Стой, моя девица,
 Люби меня, молодица, (2)
 Орловская девица,
 Стели мне постельюшку,
 Орловская умница,
 Клади изголовьице,
 Орловская девица,
 Подымы постельюшку. (2)

КАК ПО МОРЮ

Запевала А. ЖЕЛТОВА

Расшифровка Н. БАЧИНСКОЙ

Скоро 108

Одна

Все

Как по морю, как по морю,

как по морю, морю синему, как по морю, морю синему

по синему, по Волынью скому, по синему, по Волынью скому

Как по морю,¹
 Как по морю, морю синему,
 По синему,
 По синему, по Волынскому

¹ Каждая строка повторяется.

Плыло стадо,
Плыло стадо лебядиное.
Серед стада,
Серед стада да сизой орел
Разбил стада,
Разбил стада лебединых,
Убил лебедя,
Убил лебедя старого,
Пустил руду,
Пустил руду по синю морю,
По синему,
По синему, по Волынскому,
Ой, перушки,
Ой, перушки — по дубровушке,
Мялкой пушок,
Мялкой пушок — на зелененький лужок.
Пила руду,
Пила руду белорыбица.¹
Брала перья,
Брала перья красна девица-душа
Сва(е)му дружку,
Сваему дружку на подушечку,
На тесовою,
На тесову на кроватушку,
На пуховою,
На пуховою пяринушку
Скоро девка,
Скоро девка догадалася,
На каленушки
На калени становилася,
Низехонька,
Низехонька спакланилася.
— Прасти, мой друг,
Прасти мой друг, прости, милая
душа!

Не знала я,
Не знала я, что ты мой милой,
Я думала,
Я думала, что прахожий человек.

¹ Иногда — белорыбушка.

А Я СЕЯЛА ЛЕНОК

Запевала М. Ив. ВАСЮКОВА

Расшифровка М. ЧЕРЕМУХИНА

Подвижно

Одна (запевала)

Все

A я се я_ ла ле_ нок, при го вава_ ри_ ва ла: «Ты ра_
-стя, ра сти, ле_ нок, ра сти, до лог и вы_ сок. Ты ра сти, ра_
-стя, ле_ нок, ра сти, до лог и вы_ сок, до ко_
-ре_ ня, ко_ ре_ ня до ма_ кушки до ли_ на! »

А я сеяла ленок,
Приговаривала:
— Ты расти, расти, ленок,
Расти долог и высок,
Ты расти, расти, ленок,
Расти, долог и высок
Со корёня, кореня,
До макушки долина!
Как сказали про мой лен,
Что мой лен привален,¹
Что мой белый притоптан.
Ухватила паневищу,
Прибегаю я на льнище,
Прибегаю я на лен,
Два слядочки на ем.
Знаю, знаю чья наруга,
Моего презнегого друга!²

У НАС-ТО ПО ТРАВКЕ

Э, у нас-то по травке, э у нас по муравке,
Ой лёшуньки лё ой ли, э у нас по муравке;³

¹ Потоптан.

² Пели в кругу на деревне.

³ Иногда «лешуньки», иногда «лещиньки».

Там ходить гуляетъ э завдалой молодчик,
Ой лѣшеньки лѣ ой ли, э завдалой молодчик.
Завдалой молодчик с девками гуляе,
Ой лешиньки ле ой ли, с девками гуляе.
Схватилася девка с молодцом пороться,¹
Ой лешуньки ле ой ли, с молодцом пороться.
Ой, девка младца э младца сапорола²,
Ой лешуньки ле ой ли, э младца поборола.
На черную шляпу э с яго скидавала,
Ой лешуньки ле ой ли, э с яго скидавала,
На русай кудри на ем поплутала,
Ой лешуньки ле ой ли, э на ем поплутала.
На черный кафтанчик на ем обмарала,
Ой лешуньки ле ой ли, э на ем обмарала,
Ситцевую рубашку э на ем разодрала,
Ой лешуньки ле ой ли, э на ем разодрала,
Сахвяны сапожки э с яго скидавала,
Ой лешуньки ле ой ли, э с яго скидавала.
Ох, вышла та мати э за сына браниться,
Ой лешуньки ле ой ли, э за сына браниться:
— Ой, девка ты младца, как тебе не стыдно,
Ой лешуньки ле ой ли, э как тебе не стыдно,
Как тебе не стыдно э маего сына бити,
Ой лешуньки ле ой ли, э маего сына бити!
Ох, бить не набила, э сына пристыдила,
Ой лешуньки ле ой ли, э сына пристыдила.
Сына пристыдила при всему народу,
Ой лешуньки ле ой ли, э при всему народу,
При всему народу э большому карагоду,
Ой лешуньки ле ой ли, э большому карагоду.
Ой, девка та младца, младца сожалела,
Ой лешуньки ле ой ли, э младца сожалела.
На русай кудри на ём расчесала,
Ой лешуньки ле ой ли, э на ём расчесала,
На черную шляпу э ему одевала,
Ой лешуньки ле ой ли, э ему одевала,
Зеленый кафтанчик э на ем обтрясала,
Ой лешуньки ле ой ли, на ем обтрясала,
Ситцевую рубашку э на ем зашивала,
Ой лешуньки ле ой ли, э на ем зашивала,
Сахвяны сапожки э ему одевала,
Ой люшеньки ле ой ли, ему одевала,

¹ «пороться» — бороться.

² Иногда — «сапорала».

Под правую ручку его подымала,
Ой лешуньки ле ой ли, э его подымала¹.

ХОДИЛА Я, МОЛОДА ОЙ, ПО БОРОЧКУ

Запевала Е СИМОНОВА

Расшифровка М. ЧЕРЕМУХИНА

Умеренно

The musical score consists of five staves of music in 2/4 time, featuring a treble clef and a key signature of one flat. The lyrics are written below each staff, corresponding to the notes. The first staff starts with 'Хо_дила я, мо_ло_да, ой, по бо_ро_ч_ку,' with 'Хо_дила' and 'мо_ло_да' on the first beat of a measure. The second staff continues with 'ой, ска_по_ла я но_жень_ку,' with ' ска_по_ла' and 'я но_жень_ку' on the first beat. The third staff begins with 'на дра_мо_чку.' The fourth staff starts with 'Одна.' The fifth staff concludes with 'Скало_ла я но_жень_ку, ой, на дра_мо_чку, ой, да не боль_на.'

* Скользжение от одного звука к другому

Ходила я, молода, ой по борочку, ой,
Скалола я ноженъку на драмочку².
Скалола я ноженъку, ой, на драмочку, ой, } (2)
Болит моя ноженъка ой да не больна,
Любил меня молыдец да не дол(ы)га, ой,
За малое времячка, за часочек, ой, } (2)
Часочек протяняется за денечек, ой,
Денечек протяняется за неделю, ой,
Неделя протяняется за годочек, ой. (2)

¹ Пели «молодые девки» Парень становился в круг на колени, запевала делала некоторое «взправду» например, снимала шляпку, посыпала песком, остальное — «мнено»

² По объяснению певиц, «драмочка» — сор.

ПОСЕЯЛИ ДЕВКИ ЛЕН

Посеяли девки лен,¹
Ой лели, ой лелё, ой леле али э лелё.²
Посеямши, э пололи,
Пололи да белые руки кололи.
Увадился у лянок
Молоденький щеголек,
Со лина цветы сорвал,
Вяночиком свивал,
В быстру речку спокидал.
Быстра речка не текеть,
С воды бережку волна бьеть
И да желытого да песка,
До белого каминя.
А в камушку вогню нет,
А в моего мужа правды нет
Чужому мужу рубашку,
Своему мужу корыта,
Что белая береста.

ГОЛОВА ЛЬ ТЫ МОЯ

Головая ль ты моя, ох и вот головушка!
Ох, голова ль ты моя, ох и вот бурлацкая,
Ох и вот бурластая, эх переняла ль ты моя
Вот головушка, эх и вот головушка,
И худа и добра, эх худа, эх и худыя славушеке,
Мил досадушеке, мил... ох и мил досадушеке.
Ох и что же, ох и вот за муравушеке,
Ох и вот, что ж это за травушека,
Вот это за муравушека, эх, за муревушека.
Она коли взошла, коли выросла, ко...
Ох и когда выросла, эх и ох, когда выра...
Эх, она весной взошла, ох и летом выросла.
Э-ох летом выросела, серед летичка ра...
Эх и распушилася, эх распушилася,
Ох на коречечку сто.., ох, стоя высохла.
Эх и что ж это, ох и вот за милый друг,
Эх и за милый друг, ах, что за милый друг,
Раздущевынай мой, и ён любил э любил ён.
Эх и любити не стал, ходить пе...
Ён любить не стал, эх, ходить перестал!

¹ Каждая строка повторяется.

² Припев повторяется после каждой строки.

ЧТО ЗЕЛЕНА, ЗЕЛЕНА В ЛУЗЕ ТРАВА

Ох, что зелена, зелена у лузе (о) тырава.
 Э-ох, чего ж она зелена? Что б (ы) лизко вода¹
 Что молода, молода да молодая вдэва.
 Ох, чего ж она молэда? Что в ей мужа нетэ.
 Ох, любила молодчика размолоденькова,
 Ох, такова парнишечку э расхолостенькова.
 Ох, стало расставаньице да не мил белый свет,
 Ох, не мил, не милешенек да ни отец, ни мати.
 Ох, летела какүшечка через зелен сад,
 Ох, садилась какүшечка на яблонечку,
 Ох, савивала гнездушко соловьиные,
 Эх, выводила детушек, соловьетушек.
 — Ой, да вы мои детушки, соловьетушки, э,
 Ой, нарек же вам батюшка э в солдатушки.
 — Ох, сударыня-матушка, нам не хочется.

ЕСТЬ У ЛЕСЕ ДВЕ БЕРЕЗКИ ВМЕСТЕ

Запевала А. ЖЕЛТОВА
 Расшифровка Н. БАЧИНСКОЙ

Спокойно! 94—98

Одна (запевала)

Есть у лесе две березки вместе

Все

Э-х(ы) есть у лё-се две берез-ки вме-сте

Одна

Есть у по-ле две до-рожки тор-ных(ы),

Все

есть у по-, ле две до- рожки тор-ных

¹ Начиная со второй, все строки повторяются.

Есть у лесе две березки вместе,
Эх, (ы) есть у лесе две березки вместе,
Есть у поле две дорожки торных (ы),
Есть у поле две дорожки торных.
Кто же ту дороженьку торил,
Эх, да кто же ту дороженьку торил?
Казаченъка к девчоночке ходил,
Эх, казаченъка я девченочке ходил.
— Их, и не ходи ты, казаченъка, до меня,
Не ходи ты, молоденький, до меня, —
Эх, и выйдет слава про тебя и про меня,
Эх, выйдет слава про тебя и про меня.
— Этой славы по век не боюся,
Этой славы по век не боюся.
Эх, с кем люблюся — вовек не скажуся,
Эх, с кем люблюся — вовек не скажуся.
С кем же знаюсь, пойду сповенчаюсь,
Эх, с кем же знаюсь, пойду сповенчаюсь.
Сповенчавшись, пойду к кошумерке,
Эх, сповенчавшись, пойду к кошумерке.
Кошумерка шириночку шила,
Эх, молодая шириночку шила,
Она шила, свою дочь учила,
Эх, она шила, свою дочь учила:
— Где ж ты, Маша, веночек сгубила,
Эх, где ж ты, Маша, веночек сгубила?
— Я на Дунай-реке белье мыла,
Эх, я на Дунай-реке белье мыла,
Там свой веночек сгубила,
Эх, там свой веночек сгубила.

ОЙ И ПОЛЕ МОЕ .

Ой и поле мое все раздолыице,
Середи поля куст ракитовый. (2)
Как под тым кустом солыдат убит,
Как под тым под кустом солыдат убит.
Ён убит, ён убит, шибко раненый, (2)
А в ногах у яго конь вороненъкий.
— Ох и конь, ты мой конь, конь товариш мой, (2)
Ты беги, беги во мою сторону, (2)
Ты скажи, скажи отцу с матерью,
А еще сыкажи да молодэй жене...

ЧЕЁ Ж ЭТО ПОЛЕ

Запевала М. Ив. ВАСЮКОВА

Расшифровка Е. ГИППИУСА

Не скоро $\text{♩} = 100$
Одна (запевала)

1. Чеё ж это поле, чеё ж это поле, задремало сто... (я)?
Все

2. Ой, марыно поле, ой, марыно поле задремало сто... (я).

3. Чеи ж это мысли, чеи ж это мысли на хвосте пови[сли]?

Примечание. В этой песне соль ♯ звучит пониженно — порой почти как соль ♭ , а ми ♯ — повышенно, особенно у хора, где ми ♯ звучит почти, как ми ♭ .

Чеё ж это поле	(2)
задремало сто... (я)?	
— Ой, марыно поле	(2)
задремало сто... (я).	
Чеи ж это мысли	(2)
На хвосте пови... (сли)?	
— Ой, марыны мысли	(2)
На хвосте пови... (сли).	

АХ, ВСХОДИЛИ ТУЧИ ГРОЗОВЫЕ

Довольно медленно, $\text{♩} = 76$,
постепенно ускоряя до $\text{♩} = 92$

Запевала М. Ив. ВАСЮКОВА
Расшифровка Е. ГИППИУСА

Одна

1 Ах, всхо-ди- ли, всходи- ли, ту-чи_ гро-зо-вы_ е,

ой, ра- ным- ра не_ шень_ ко ту- чи - гро- зо- вы_ [е].

2. По-сы- па ли, по- сы- па- ли к(ы)- ру- пы зо- ло- ты- е,

ой, ра- ным- ра не- шень_ ко кру- пы зо- ло- ты_ [е].

3. Хороши кру- пы, хороши кру- пы не с кем со-би-ра- ти,

ой, ра- ным- ра не_ шень_ ко не с кем со-би-ра- [ти].

Ах, всходили, всходили
 Тучи грозовые,
 Ой, раным-ранешенько
 Тучи грозовые,
 Посыпали, посыпали
 К(ы)рупы золотые,
 Ой, раным-ранешенько
 Крупы золотые.
 Хороши крупы, хороши крупы,
 Не с кем собирасти,
 Ой, раным-ранешенько
 Не с кем собира(ти)
 Подойдет весна — поставь кросна.
 Не с кем кросна ткati,
 Ой, раным-ранешенько
 Не с кем кросна ткati.
 Подойдет лето — поспеет жито.
 Не с кем жито жати,
 Ой, раным-ранешенько
 Не с кем жито жати.
 Зайду постать широкую,
 Не с кем подгоняти,
 Ой, раным-ранешенько
 Не с кем подгоняти¹.

КОЛО ДВУХ БЕЛЫХ БЕРЕЗ

Подвижно

Одна

Запевала П. ИЗОТИКОВА
Расшифровка М. ЧЕРЕМУХИНА

Ко_ло двух бе_лых бе_рез,

ко_ло двух бе_лых бе_рез

реч_ка пролте_ка_ ла, (да) речка пролте_ка_ ла, ой, тэ_кла!

¹ Пели на живце. Когда пели молодой свекрови, только что женившей сына, слова «не с кем» заменялись «иось с кем». Поют и на свадьбе, но чаще «чепушат» на живце.

Текла речка-невеличка, текла речка-невеличка,
 ой, да разливалася,
 ой, да разливалася.

V — обозначение свиста

Коло двух белых берез, коло двух белых берез
 Речка протекала, да речка протекала, ой, текла!
 Текла речка-невеличка, текла речка-невеличка,
 Ой да разливалася, ой да разливалася...

НЕ ВЕЛЕЛА МНЕ МАТУШКА

Запевала Е. СИМОНОВА
 Расшифровка Е. ГИППИУСА

Умеренно $\text{♩}=100$

Э-о-хы, не ве-ле-ла ми-не

¹ Окончание песни не сообщено.

Э-о-хы, не велела мне матушка
 Ни белиться, ни румяниться,
 Э-о-хы, ни белиться, ни румяниться,
 С ребятами ни ватажиться.
 Я матушки не послушалась.
 Набелилась, нарумянилась,
 С ребятами соватажилась,
 С холостыми, с неженатыми.
 Я тогда-то оглянулася,
 Когда в пузе стреханулось,
 На рученьках закувакало,
 А я села да й заплакала.
 — Ой ты, матушка, рятай, рятай,
 Ты пеленочки готовь, готовь!
 А ты, батюшка, рятай, рятай,
 Ты мне люлечку готовь, готовь!
 А ты, дедушка, рятай, рятай,
 Ты почопочки готовь, готовь!
 А сястрица, ты рятай, рятай,
 Ты свивальнички готовь, готовь!
 И ты, братец, рятай, рятай,
 Ты баранчики готовь, готовь!

Я повесю эту люлечку
Середи двора на углышек:
— Баю, баю, мое дитятко,
Нет ни бабушки, ни дедушки,
Ни родимого батюшки!..

ПЛАЧ ПО МУЖУ

Э, дружечика моя жалкая,
Э, дружечика мая (у)род(ы)ная!
На кого ты, дружечика,
И на кого ж ты мене бросил!
Я ж, моя дружечика, за какой годочек
Нигде себе притоснага юглушка не нашла!
Выйду я, дружечика, на улицу,
Гляну, дружечика, на четыре сторонушки:
Ни с отколь, моя дружечика,
Ни с откель не идешь и не едешь...¹
Кинул же уж ты, моя дружечика,
Малые дитеники, неосмысленные.
Ёны же у меня, дружечико,
Все 'кошечика поглядают,
Своего батюшку дожидают...
А чужие бати идут — та гостинцы несуть,
А мое дитятко несмышенное
Не дождалось ни с откель тебе...²

¹ Всхлипывания.

² От волнения певица не могла закончить песню.

ОБРАЗЦЫ ЧАСТУШЕК¹ О ЗОЕ КОСМОДЕМЬЯНСКОЙ

Товарищи,
Станьте в сторону,
Пропою я вам
Про Семеновну

Про Семеновну,
Про жизнь крестьянскую,
Про Зою девушку —
Космодемьянскую.

Зоя девушка
Была смелая,
У партизаны шла
Она первая.

Сердце девушки
Налилось тоской,
Когда взвился враг
Над родной Москвой.

Распрощалася
Зоя с мамочкой,
Стала Зоечка
Партизаночкой.

В одну темну ночь
Был туманный мрак,
Командир не знал,
Где расположен враг.

Привели Зою
К четырем столбам,
Крикнула Зоечка.
— «Привет всем друзьям!»

Была отважною
Комсомолочка,
И отправилась
В поход Зоечка.

По кустам ползла,
Остерегалася,
До врагов Зоя
Уже добралася.

Тут услышали
Озверелые,
Связали Зоеньке
Ручки белые.

Привели Зою
У немецкий штаб
— Расскажи, Зоя,
Где расположен враг!

Умирать Зоя
Решается,
А партизан выдать
Не собирается.

Поутру Зое
Принесли приказ —
Дали Зоечке
Уже смертный час.

¹ Частушки исполняются на напевы: «Семеновна» (чаще всего), «Серпянка», «Барыня», «Савушка», «Страданье» и «Саратовские страданья».

ЛЮБОВНЫЕ

А подружка дорогая,
Я в любви 'шибилася,
Я в залёту своего
Нечаянно влюбилася.

А подружка моя,
Про залету ты не пой,
У меня залеты нету,
Ох, как весело одной!

Я залеточке своему
Строгий выговор дала,
Чтобы он меня любил,
До гроба б я его была.

Мы с залеточкой расстались
Возле стенки каменной,
Трудно было расставаться
От любови правильной.

Все бы пела, все бы пела
И была веселая,
Только ты, моя любовь,
Далеко завезенная.

Залеточка дорогой,
Приди на вечерочку,
Проводи по старой памяти
Меня, девчоночку.

Брошу розу под березу,
На душистую сирень.
Проводи, милый, до дому,
Неужели стало лень?

Полюбила я его
За карие глазеночки.
Что мне было за него,
Молоденькой девчоночке!..

Мине милый изменил,
А я его тоже.
А спасибо, дорогой,
Нашла помоложе!

Залетка в армию уходит,
Что же я ему скажу?

— Береги страну Советов,
Как берег любовь мою.

В Красной Армии залеточка,
Платочек у него:
А пускай он утирается,
Любила я его!

А мне милый, дорогой,
Мне карточку прислал,
У военной гимнастерке
Какой красивый стал!

Прислал милый письмоцо,
Восемь марок на краю,
Уважительно он просит:
— Сохрани любовь мою!

А мне милый пишет, пишет:
— Гуляй, Катичка, потише.
А я ему напишу:
— Я гуляю, не спешу!

Скоро, скоро я дождуся
Своего голубчика,
Шинель новая у талию
И четыре кубика.

Скоро мой залета приедет,
Чем обрадует меня?
Его строгие наказы
Не могла исполнить я!

Меня милый изменил,
Я упала на траву,
По характеру забуду,
Чуб волною — не могу!

Записано от М. Финогеновой

Милый желтую изменушку
Прикалывал на грудь.
Он прикалывал и сказывал:
— Забудешь как-нибудь!

Гора, гора,
Гора скользкая,
Горяча любовь
Комсомольская!

Ой, гора, гора,
Гора кочками,
Зарастай, любовь,
Василечками!

Гармонист сидит,
Что у поле цвет
Я его люблю —
Разговора нет!

Гармонист сидит,
Улыбается,
По глазам видать,
Что влюбляется.

Ой, фанель, фанель,
Я хожу по ней,
Скоро милому моему
Дадут шинель.

Дадут шинель ему,
Дадут винтовочку,
Командир скажет:
— Забудь девчоночку!

Забудь девчоночку,
Забудь и мать свою!
Ты пришел сюда
Защищать страну!

Когда миленький
Уходил служить,
Мне, молоденькой,
Не велел тужить!

За Семеновну
Меня ругает мать,
Я пойду гулять,
Запою опять.

Мой залеточка
Пришел пьяненький,
Разговор завел
С моей маменькой.

Гора, гора,
Гора снежная.
Не подходи ко мне,
Залетка прежняя.

Улюблялися —
Мы были веселы,
Расставались —
Носы повесили!

Улюблялися —
Пару минуточек,
А расставались —
Двое суточек!

Улюблялися —
Соловей нам пел,
Расставались —
Снег в лицо летел!

* * *

— Не тужи, не плачь,
Моя хорошая,
Я буду письма слать —
Бумага дешева!

Вот уж год прошел,
И второй настал,
Мне залеточка
Одно письмо прислал.

Одно письмо прислал —
И то печальное:
— Я нашел себе
Кольцо венчальное!

Ты нашел себе
Кольцо венчальное,
Будет жизнь твоя
Всё печальная!

* * *

Меня маменька
Переперечила —
С такою пьяницей
Дружить нечего!

Я маменьку
Не послушала,
А любовь свою
Я не нарушила!

Ох ты, маменька,
Поздно схватилась,
Я горячо в него
Так влюбилась!

Я сорву, сорву
Траву малинову,
Разрешите сесть
Поближе к милому!

Рассказать ему,
Как мы сейчас живем,
А еще сказать —
Страдаю я по нем!

А товарищи,
Дайте шире круг,
Посмотреть пришел
Меня любимый друг.

А товарищи,
Станьте в сторону,
Пропою я вам
Про Семеновну.

Пропою я вам,
Как влюблялась,
А еще спою,
Как расставалася!

Улюблялась
На горе крутой,
Расставалась я
На реке быстрой.

Улюблялась я
Не на шуточку,
Постояла с ним
Одну минуточку.

Ты иши себе
Туфли модельные,
Губы накрашены,
Руки бездельные!

На столе лежит
Голубой сатин,
Пон (ы) равился
Мне из всех один!

На стене висит
Гитара новая,
Я некрасивая,
Зато бедовая!

На столе лежит
Книга-библия.
А ребят любить —
Дело гиблое.

* * *

Одну минуточку,
И то не целую;
Отвернулся, сказал
— Измену сделаю!

Я изменушки
Не испугалася,
Отвернулася
Да засмеялася.

На горе хворост,
Под горой хворост —
Продавал вчера
И задавал вопрос.

Задавал вопрос,
Сам смотрел в глаза:
— Ты колхозница,
Тебя любить нельзя!

— Я колхозница —
Не отрицаюся,
А любить тебя
Не собираюся!

СТАРИННЫЙ СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД

Записан от Е. Ф. Симоновой¹

Подумала бедная — пойду, посватаю невесту побогаче.
Приходит.

— Здоровенька!

— Проходи, садися.

— Я, ведь, что ж, — сидеть-то неколи, я пришла к вам по-
свататься. Чи дадите вы за моего мальчика свою девочку?

А етта отказывает.²

— Старик! Во, к нашей пришли сваты к девочке!

А старик спрашивает:

— Что ж, сколько у них наделов (земли)?

(Раньше землю наделами меряли, десятины уж потом пошли).

Ана отказывает:

— У меня один надел земли.

Тады старик спрашивает:

— А скольки у тебя ребят?

Ана отказывает:

— Да у меня три мальчика.

А дед завел.

— О! Три мальчика, один надел земли! Нет, мы свою дочку
не отдадим!

А ана, когда уходить собирается:

— Ну, я за своего Кузьму усегда возьму, а вы свою Аринку
повозите по рынку³.

Ну, а этта теперича, сколько время прошло, приходил бога-
тый свататься. Пришел.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте! Ну, праходи, садися.

¹ Запись 1953 г Сохранена лексика рассказчицы.

² «Отказывает» — отвечает.

³ Специальное выражение на такой случай.

— Я долго-то сидеть к вам не пришел, а пришел к вам посвататься. Не отадите ли вы за моего мальчика свою девку? Мать.

— Сколько у тебя душ надела?

— У меня на четыре души надела.

— А ребят скольки у тебя?

— А у меня пять сынов.

— Ну, — спрашивает старуха, — стариk, стариk, как же ж?

А стариk отвечает:

— Ну, как же ж, на четыре надела — этта отдать можна.

— Что ж ты нашей дочке шубу сшиешь?

— Сшию, обязательно сшию.

— А каратайку сшиешь?

— Сшию.

— А що, сват, котики купить надо.

— Купю и котики.

А уж старуха.

— Вот, дед, это сват! И коты сшиет, и шубу, и каротчик, за этого отдать можна.

А потом спрашивает:

— Сваток, как же наша свадьба будет — с ладами?

— Да, с ладами.

(Без ладыги¹ — бедная свадьба; ладыгу разрубают пополам-жениху и невесте).

— Ну, таперича, дай бог час!

Мать невесты посыпает невестку сзыывать гостей на запой.

На другой день, а то и в тот же — запой.

ЗАПОЙ

Сели за стол и начали играть.

ПРОПОЙ, ПРОПОЙНИЧЕК

Запевала Е. СИМОНОВА

Расшифровка Е. ГИППИУСА

Не скоро! 80—89

Одна (запевала)

¹ «Лады», «ладыги» — лодыжка коровы.

Пропой, пропойничек, (2)
 Ой, катин батюшка, (2)
 Ой, катин родимый
 Пропил свою чадю
 За винну чару, (2)
 За мед, за горилку,
 За красную девку.
 Хвалилась, ой, Катя,
 У батюшки седя
 Да у окошечко глядя.
 — Да хто меня возьмет
 Без пива, без вина, (3)
 Без сладкого ме...
 Без сладкого меду?
 Саткэль ся узялся
 Молодой Володю...
 Молодой Володюшка,
 Молодой Хведорович:
 — Ой, я тебя возьму
 Без пива, без вина, (2)
 Без сладкого меду.

Поют и другие песни — какие попало.
 Когда идут с запою, поют:

ОЙ, ГУСИ

Запевала Е. СИМОНОВА

Расшифровка Е. ГИППИУСА

Очень медленно ♩=48

Одна (запевала)

Ой, гуси, вы гуси,
Серые, белые.
(Ой и вы, дядюшки,
Молодые вы дядюшки.)
Ай, и где вы бывали?
Ай, и что ж вы видали?
— Были мы, бывали
У ласковой тещи.
— И что ж вы там видали?
— Видели ж, видали
Красную, ой, Катюшу
— Да чего ж вы не взяли?
— А взять мы не взяли,
А знак наложили,
Перстень наложили.

(2)

(3)

Запой кончен. Через неделю свадьба. Под еттат день идет сват жениха к матери невесты, спрашивает:

— Ну, что ж вы тут, сват, собралися?

— Собрались, сваток, собралися. Завтра свадьба у нас будет

СВАДЬБА

Невеста собирает свою родню, жених — свою. Каждая семья садится у себя за стол (в одно время), называется это «на каравай».

Раньше невеста не садилась — на полочку стояла, — а девки ее собирают. Невесты родня как почеститься, так дожидают жениха с поездом. А жених как почестит свою родню (поест с нею), так запрягает лошадей (больше — трех) и едет к невесте почти со всею роднею. Свекор и свекровь остаются дома. Приезжают на двор к невесте. Их встречает теща с тестем у сенях. Когда жених у сенцах стоит, невесту благословляют, невеста голосит:

Матушка родимая,
Ня кинь ты мене
И маю головушку
И при большом моем горюшку!
Батюшка мой... (то же самое).

(Как батя с матей есть, так много не голосит!)

Перепивают воду. Три раза пьют из одного стакана с зятем, в третий — зять остатки выливает через голову на людей.

Посадили невесту за стол. Когда приводят жениха, идет за ним вся его родня. Невесты родня выходит из-за стола и очищает место жениховой родне; остаются, кроме невесты, сваха и мальчик — около невесты. Мальчика выгоняют и выкупают место. Мальчик требует 100 рублей, пирогов, блинов, четверть вина. Его гонят, а он сидит с мешалкой (от хлеба), стучит по столу.

— Нет, нет, не помирются!

Дадут ему денег (тряпку или четыре рубля). Тряпку берет себе, а рубль (на плетку) — дружке назад.

Тады берет дружка жениха за руку и ведет. А у невесты платок за пазухой (называется вырва).

Дружка становится на лавку и начинает бить кнутом о стены, потолок, а свадебники играют:

УДАРЬ, ДРУЖКА, ГОЛОВОЮ

Запевала Е. СИМОНОВА
Расшифровка Е. ГИППИУСА

Довольно скород =104—112

Одни (запевала)

Все

Ударь, дружка, головою, головою,
Не нашею стеной, стеной.
Наша стена подержится, подержится,
Твоя голова отвалился, отвалился.
Наша стена каменная, каменная,
А твоя голова костяная, костяная.

- А тут сваха начинает голову чесать невесте, говорит:
- Батюшка родимый, благослови дочки голову чесать!
 - Бог благословит!
 - Батюшка крестный и матушка крестная¹...
 - Бог благословит!
 - Братьцы родимые, сестрицы родимые...
 - Бог благословит!

¹ Слова «благослови дочки голову чесать» повторяются после каждого обращения.

— Дядюшки родимые и тетушки любимые...
— Бог благословит!
— И вся честная кампания, с пбду до порогу, благословите
красной девице голову чесать!
— Бог благословит!
— Раз б'асловлю и два б'асловлю, а в третий сама пречистая
мать!

И зачинает сваха петь, хор подтягивает:

Седлайте, седлайте вороного коня
Да бегите, бегите ко новому торгу,
Купите, купите рыбий гребешочек,
Чешите, чешите Кате головку!

Сваха наливает вина в шапку дружкину, поливает по столу,
по головам и поет:

Ой, Ладо, поливай, поливай зеленым вином!
Ой, Ладо, посыпай, посыпай яровым хмелем!

Берет с блюдца хмель, посыпает всех хмелем.

Все начинают «играть у голубя» и петь.

А у голуба, голуба золотая голова,
А у Володи, Володи молодая жена,
Молодая жена, ой, Катюша-госпожа,
А товарищи его позавидовали ему.
— Кабы эта жена да в моем дворе жила,
Я бы летом, я бы летом на колясочке возил,
А зимою, а зимою на решетчатых санях,
На решетчатых санях, на подласовых конях.

Затем:

Ходит Володька по двору, по двору,
На нему шуба до долу, до долу.
А всей шубе сметы нет, сметы нет,
А на Володю цены нет, цены нет!
Подари, Володюшка, подари
Три рубля с полтиной и с полтиной гривну!

Жених дает денежки. Все кричат:

— Спасибо, Володька, спасибо, Федорович!

Покушают, поиграют (что попало), потом вылезают из-за
стола.

Отец невесты берет икону, благословляет молодых.

— Живите, детки, как отец с матерью прожили, слухайте,
уважайте друг друга, слушайте старых, чтоб вам люди не сме-
ялись.

Мать стоит и больше плачет. Потом с такими же благосло-
вениями — отец и мать крестные.

Плачут, голосят, выводят молодых во двор, сажают в телегу
и едут в церковь. Из церкви едут к свекру. Свекровь выносит во
двор ковригу хлеба и солонку соли. Невестка ей и свекру кла-
няется в ноги. Поцелуются.

Свекровь.

— Ну, невестушка, на ковригу мою!

Невестка кладет свою икону на хлеб, несет все в дом, кладет на стол.

Положит на стол, за стол ведут молодых (ведет дружка)
Садятся, начинают играть песни

Катилася котелочка з-за¹ мурья,
З-за мурья, з-за мурья,
Да просилася, ой, Катечка за столья,
За столья, за столья:
— Да пусти, пусти mine, Володюшка, за столья,
За столья, за столья,
Ой, поглядеть на свекрова подворья,
Подворья, подворья.
— Да было тебе, ой, Катюша, поволье,
Поволье, поволье,
Глядела ты, ой, с батюшкого подворья!

* * *

Много песен поют, все свадебные, веселые, — чтобы подскок. Поиграют — дариться станут Невестка свекрови — шаль и повойник, деверю — платки, золовке — шали. Ей дают деяньги. Свадебная песня, когда «дрются».

КАК ПО МОРЮ, МОРЮ

Умеренно $\text{♩} = 104$

Одни (запевала)

Запевала Е. СИМОНОВА

Расшифровка Е. ГИППИУСА

1 Как по морю, морю, как по си-нему по морю,

ра-ны-мра-но, ра-не-шень-ки,

Все

¹ З-за — из-за.

Одна

Как по морю, морю,
Как по синему по морю,
Ранним-рано, ранешеньки,
По синему морю¹

Да плыло-выпльвало
Четыре вутенка.

Назад оглянулись,
К терему подвернулись.

К терему, под окошко
Сидела, ой, Катя,

Полоки накатала,
Сундук накладала.

¹ Припев, состоящий из строки «Ранним-рано, ранешенько», к которой прибавляется последняя строка двустишия, повторяется после каждого куплета.

Сундук жа мой новый,
Ен новый, дубовый.
Ен новый, дубовый
Да зелевом окован,
Жестью оббиванный
Пришла вечярина —
Девкам весялина.
Весь дар раздарила —
Дару ж не хватило.
Свекору ж — рубашку,
Свекрови — вторую,
Деверьям — порточки,
Невесткам — платочки,
Золовкам — вяночки:
— Да носите золовки,
Красите головки!

Вылезут из-за стола, подарятся, пойдут по воду Свекровь берет ведра, а молодая.

— Мам, давай я ж схожу за водицей!

А она

— Да ох, невестушка, сходи-ка!

И вот они идут: дружка, жених и невеста (уже с ведрами воды) Невеста как бы старается в сторону убежать, жених ее догоняет, хватает, поворачивает к дому.

Приносит воду к двору, берет кружку, разносит воду. Первому — свекру:

— Батя! Накось моей воды, выпей и умойся.

А ен пьет:

— Ох, какая вода сладкая!

И умывается.

А так же — свекрови и золовкам.

Свадьба кончилась. Поужинают с самыми близкими родными.

— Ну, пойдем у отводы.

Берут еды (несет молодая студень, вино; ей подсобляют). Несут это они к невестиной матери. Там пьют и гуляют две семьи за одним столом. Потом приходят опять назад, к свекру (без тестя и тещи) Кладут молодых спать. Каравай хлеба под голову, чтобы был мальчик.

Подымают назавтра молодых (сваха) Постукает, ей отворят.

— Ну, как вы тут, живы, благополучно у вас все? Чи можна ж сегодня выпить за вас?

Жених:

— Можна. Пейте сегодня по всем.

Подымаются, переодеваются. Зять идет по тещу, ее сажают за стол, наливают стакан вина, дают самую хорошую ложку, дают ей целый блин.

— Ну, мам, выпей за хорошую дочку, за хорошее ее поведение!

(А бывало, что дают неполный стакан вина, худой блин — с дыркой.)

Потом собирают свах, и родню обеих семей, приводят к молодым. Садятся за стол, играют:

Я вчера ж была, что роза цвела,
Ночь подошла, муки приняла,
Сегодня поутру, что белая лилина!

Потом идут к теще обратно, и там вся родня, тоже погостятся, поиграют, попляшут, потом все идут по гостям. (У меня было 14 дворов знакомых — два дни ходили и все время были как прязь пьяные.)

Потом:

— Ну, к жениху, на разгонную.

Играют у жениха, пирут, потом расходятся по дворам — кто не пьяный.

О ПРОСВАТАНЬЕ БЕЗ ВЕДОМА НЕВЕСТЫ

Е. Ф Симонова передавала про свою свекровь:

«Она прочинается и спрашивает у своей старой бабушки:

— Баб, что ж та в тэй у нас у хати играются?

А она:

— Унучечка Марьуш! Это ж мы тебя просватали!

Даж не побудили, не спросили, не знала — за кого»

НЕКОТОРЫЕ ОБЫЧАИ, ПОВЕРЬЯ, СКАЗКИ

Обычай завивания венков

На следующий день после «Духова дня» девки и бабы, иногда молодые ребята и молодожены шли в лес. Там каждая девушка выбирала себе молодую березку и связывала ее ветки венками — по числу членов семьи. Беременные женщины тоже завивали на березе венки, один венок брали с собою¹.

Завив венки на своих березках, все выбирали два дерева потолще, обычно березу и осину (толщиной с руку). Дружными усилиями их наклоняли друг к другу, переплетали ветвями. На этих деревьях девушки порою тоже завивали себе по венку. Затем все брались руками за связанные верхушки деревьев (в 2 ряда с обоих сторон), трясли их и пели «Завьем венки», а потом «Обкружусь, обчертюсь». Запевала та, которая держалась за самые верхушки².

Спев обрядовые песни, девушки садились на лугу, пели разные песни³ и кумились (попарно). Кумление состояло только в обмене крестами.

Потом шли «далынкать»: собирали угощение, жарили яичницу, пели, плясали, под гармонь — кто в лесу, кто в хате. Гуляли «парочками».

Через неделю — в «Заговены» — снова шли в лес. Там каждая смотрела на свои венки (не завяли ли, с этим были связаны разные приметы). Деревья развязывали и вновь пели на тот же мотив «Разовьем венки» (слова те же, кроме 1-го куплета). Кумы возвращали друг другу кресты, но считались с тех пор кумами. Венки из цветов здесь, как выяснилось, не завивали. На «Заговенье» уже не «далынкали».

¹ На 3-й день после родов мать и свекровь роженицы пели под этим венком песни, лили на него воду, умывались этой водой — «очищались»

² Кроме первых слов, песни эти полны такими «прямыми», непристойными выражениями, что напечатать их не представляется возможным (смысл — заклинание плодородия земли на основе «симвильной магии») — см. стр. 90.

³ См. список русальских песен.

Обряд бытовал и в 1940 году, только замужние в лес почти не ходили. Ходили свободные от работы девушки. Посмотреть обряд съезжались иногда горожане (из Бежицы)

Обряд имел, видимо, корни в еще неотмерших поверьях. Так, одна дорожевка весьма обстоятельно рассказывала, как, будучи подростком, видела весной на берегу ручья трех русалок — «белых, как снег». Она и подруги побросали лозу, за которой ходили, и убежали домой.

Карагодная игра «Китай-город»¹

Сообщено М. И. В а с ю к о в о й

Играющие становились в большой хоровод-круг — девки, бабы, редко парни (до 30 и больше). Если есть мужчина, он выходит в круг, играет «мужа», если нет его, парня заменяет женщина. Жена идет вдоль хоровода и запевает каждый куплет Ей навстречу движется муж, он не поет, а только играет, мимически изображая содержание каждого куплета песни.

Жена не глядит на мужа, отворачивается от предлагаемых подарков, купленных ей в «Китай-городе», — «кобызится» На словах «Поглядите, люди!» — муж разводит руками. Во второй раз, когда жена принимает его подарок, муж, соответственно словам песни, обнимает, целует ее. Хоровод большей частью движется «тихонько-тихонько». И только на последних словах (иногда раньше) останавливается.

Святочная игра «Уж я золото хороню»

Девушка снимает кольцо и идет вдоль сидящих на лавках, делая вид, что опускает его в подол (слегка подвернутый) каждой сидящей. Сзади идет другая, которая должна угадать, куда положено кольцо. Если она угадает, садится на место той, у которой кольцо, и та, в свою очередь, идет угадывать. Прячущая кольцо ходит весь вечер. Во время поисков поют «Уж я золото хороню».

Старинный жнивный обряд

Когда дожнут озимые, надо покататься на жниве, «чтобы спина не болела», приговаривая: «Ивка, Ивка, возьми мою силу к яровому жниву» (предстоит еще жать яровые). После жнива яровых (яровым здесь был, большей частью, ячмень) так не катались.

Точно также завивали клок колосьев («Илье бороду») после жнива хлеба, который бывал до «Ильиной».

¹ Играли после «святой» недели.

Гаданье, ряженые

Под «старый Новый год» девушки и парни гадают о суженой и суженом:

...Выходят к плетню вечером, обхватывают часть изгороди (сколько могут захватить руками палок), считают. Если четное число, — выйдут замуж, женятся.

...Берут на дворе, не считая, охапку дров, приносят в хату. Пересчитывают. Смысл тот же.

...Бросают лапти через дом. Куда покажет лапоть носком, там жених, невеста.

...Кладут под постель чашку с водой, покрывают щепками, «мостом». Загадывают на любимого: явится ли во сне, перевезет ли через мост?

...Ходят под окна слушать чужие речи. Что услышат, то и будет. Например: «Садись, сиди!» Значит будет сидеть в девках.

...Полное ведро воды замыкают на ночь замком. Во сне должен присниться суженый, попросить отомкнуть ведро, напиться воды.

...Ставят стакан полный воды на лист белой бумаги (воду надо зачерпнуть самой) Зажигают две свечи (остальные гасят), в полночь глядят на воду — явится жених.

...Глядят в зеркало.

В тот же вечер баба рядится ведьмой: измазанное сажей лицо, клыки из сырой картошки, гигантский бюст из тряпья, рваный тулул, рваное на голове, на ногах, бумажные длинные когти. Ведьма ходит по избам, пугает ребят, кривляется, задирается, пляшет. При мне (13 января 1953 года) ряженая ведьмой ходила одна женщина средних лет, забрела даже на колхозное собрание.

Старинная сказка о работнике

Записано от Б Ф Симоновой¹

Был мальчик, жил ён у работниках у помещика. И вот послали этого мальчика дрова рубить. И вот ён одну чурку ссек, другую ссек. Третью как секанул, отлетел чурбан прямо ему в голову. Мальчик день ляжть, два ляжть, ни кто об ём ня думашь. Саткэль прилетает Муха-Гаваруха и Комар-Павлуха. Муха гаварить: «Нужно тут похоронить». А Комар пищить: «Нужна на небу тащить» Зделали з елки калесá и потащили на небеса. Притаскивают на небеса — там усе не по нашему: церковь з лирогов сложена, блинами 'бложена, маслом облита и бараккой обвита. Там служить поп, авсяный у него лоб, глазы по яблоку, ядить по ложке и ня видять ни крошкы. Сам кадил кадилою, сам глядел на милаю, господи помилую ету бабу милую! Какая она молодая, у святые годная!

¹ Сохранены лексика и произношение рассказчицы,

Отдельные высказывания дорожевцев

Е. Ф. Симоновой

«Теперь уже девки не играют» (в кувилы) А в прошлом играли, «особенно, когда в колхоз вступили» (стали работать сообща).

А. Ф. Желтовой

«На пасху карагода нет; 4 дня проводят пасхи, а тады уже после начинают карагоды. Первый — «Как у нас по морю» «Русалки тады были, а теперь все ушли куда-то!»

«Песни надо с конца до конца сыграть, тогда только они выходят» (очень недоброжелательна к переделкам и сокращениям).

«Весенние песни начинали, как прогонят скот»

М. Ив. Васюковой

«Бабы, дайте мне крылья!» (когда просила помочи подруг, чтобы разыграть «Кострому»).

А. П. Васюковой

«Трудна песня — выворотей много» (о песне «Я была, была на том конце»).

ПРИЛОЖЕНИЕ

ИСПОЛНИТЕЛИ В ДОРОЖЕВЕ

Когда я в первый раз приехал в Дорожево, исполнителями песен были, в основном, женщины от 33 до 57 лет. Наиболее видную роль среди них играла старшая по годам Анна Петровна Васюкова («Гарасиха» по мужу), родом из села Соколова. Она знала наибольшее число старинных, в частности скоморошьих, песен речитативного склада, из которых некоторые никто не мог «поднять» (например, «Летел голуб»), играла на показах в Москве роль Костромы. От нее были записаны и многие обряды, поверья, заговоры (видимо, Васюкова занималась и знахарством). По знанию песен и любви к ним, к игре в «Кострому» с нею соперничали более молодые: Евдокия Федоровна Симонова («Алдоња») и сверстница ее Мария Ильинична Васюкова («Мараха»), ранее исполнявшая роль Костромы (в селе, для себя).

Мужчин в хоре было 2—3, и они не играли в пении заметной роли; необходимы они были только для игры в «Кострому» (Фельдшер, Поп, Муж Костромы) и некоторых хороводов.

Из женщин младшего поколения в хоре выделялись Мария Ивановна Васюкова («Машица»), ее сестра Елизавета Ивановна Жабина («Лисица») и Матрена Финогенова. Две последние были основными плясуньями при игре на кувилках. Возможно, что таким составом исполнителей объяснялось их хорошее знание старинных песен и слабое—новых, частушек.

Когда я приехал во второй раз (1953 г.), из прежнего состава в хоре остались только Е. Ф. Симонова, М. Ив. Васюкова, А. А. Кузина, М. К. Финогенова; зато теперь активное участие приняла группа девушек и молодых женщин. Мужчин в хоре не было.

В репертуаре девушек, в основном, — частушки и новые песни; некоторые из девушек, например Катя Васюкова, знают и умеют петь песни старшего поколения (Катя Васюкова — дочь М. Ил. Васюковой).

В частушках с припевом «Ой, калина...» отчетливо выступает деление по возрастному признаку: девушки поют и пляшут, старшие «аккомпанируют» неизменным, взятым из песни припевом. Лучшая плясунья сейчас — Раев Симонова (дочь Е. Ф. Симоновой, одной из основных исполнительниц и запевал).

Поскольку почти все исполнительницы — уроженки своего села, наблюдающийся уход исполнителей в город, на станцию заставляет тревожиться за судьбу дорожевского хорового актива.

Целый ряд старинных песен, давно уже не бытующих, приходилось буквально выуживать у старших певиц. Хор, правда, довольно дружно и быстро подхватывал эти песни, распевал их, но в этом распевании был очень силен элемент импровизационности (точнее, неуверенности певиц). Некоторые песни, например «А мы пашню пахали», оказались крайне неустойчивы по напеву, сильно видоизменяющемуся при повторении.

Следует отметить, что певицы очень хорошо запомнили новые песни¹, разученные в последнее время с хоровым методистом Брянского ДНТ, в том числе народную песню «Калинушку», надолго сохранив тщательную отработку и отделку песни, отсутствовавшие в пении своих, дорожевских песен.

Исполнители 1940 года

1. Васюкова Анна Петровна («Гарасиха»)	57 лет
2. Васюкова Мария Ильинична («Мараха»)	43 года
3. Васюкова Ефросинья Дмитриевна	50 лет
4. Симонова Евдокия Федоровна	41 год
5. Жабина Елизавета Ивановна («Лысица»)	23 года
6. Козлова Варвара Матвеевна	37 лет
7. Финогенова Матрена Кузьминична	23 года
8. Кузина Нила Кузьминична	52 года
9. Кузина Акулина Андреевна	34 года
10. Зенкина Акулина Михайловна	37 лет
11. Зенкин Антон Васильевич («Джамбул»)	60 лет
12. Васюкова Пелагея Ильинична	23 года
13. Сбродов Дмитрий Иванович	39 лет
14. Жигаленков Николай Семенович	около 30 лет
15. Алешин Николай Акимович	38 лет
16. Желтова Александра Федоровна («Лексаха»)	56 лет
17. Васюкова Мария Ивановна («Мáшица»)	30 лет

Все исполнительницы радиоустановок не имели и в самодеятельности не участвовали. Впервые выехали на смотр в начале 1939 года (на ст. Сельцо, а потом в БРЭС). Почти все женщины неграмотны (кроме самых молодых).

Исполнители 1953 года

1. Симонова Евдокия Федоровна	54 года
2. Симонова Раиса Николаевна	17 лет
3. Васюкова Мария Ивановна	43 года
4. Васюкова Екатерина Ивановна	24 года

¹ «Песня о Москве», «Лети, победы песня», «Радостно на душе». Отработаны были и песни, вошедшие в быт в годы войны: «Черны кудри», «Шумел сурово Брянский лес» (в своем варианте).

5. Жигаленкова Валентина Михайловна	18 лет
6. Желтова Мария Васильевна	21 год
7. Финогенова Мария Николаевна	20 лет
8. Симонова Ольга Дмитриевна	25 лет
9. Зенкина Марфа Григорьевна	40 лет
10. Изотикова Татьяна Тимофеевна	40 лет
11. Изотикова Анна Федоровна	23 года
12. Изотикова Прасковья Прокопьевна	44 года
13. Кузина Акулина Андреевна	47 лет
14. Жигаленкова Лидия Алексеевна	20 лет
15. Машечкина Надежда Владимировна	22 года

Из старших запевали: Симонова Е. Ф., Васюкова М. И., изредка Изотикова Т. Т. и Изотикова П. П., из девушек (в частушках) — Васюкова Е. Н.

СУДЬБЫ ДОРОЖЕВСКОГО КОЛЛЕКТИВА

В декабре 1940 года группу дорожевцев удалось вызвать в Москву. Они дважды с большим успехом показывали свои песни, игру на кувиках, а особенно «Кострому» (в Доме Актера, в Союзе композиторов, по радио) Тогда впервые удалось увидеть их старинные красивые костюмы. Артисты МХАТ'a, увидевшие их игру, были поражены ее яркостью, неподобающейся, отсутствием наигрыша. Надо все же отметить, что показ «Костромы» на зрителя несколько изменил постановку хоровод разомкнулся, расступился перед зрителями, из «Костромы» исчезли все фарсовые непристойности, у отдельных исполнительниц появились черты игры «на публику», наконец, проявилась тяга к натуралистичности, умножился реквизит (дорожевцы привезли даже полуигрушечные кросна—в своем селе они обходились без них...)

Со времени московского торжества прошло полгода, когда война тяжелой, страшной лавиной прокатилась по их земле. Оба села — Дорожево и Домашево — были дотла сожжены врагами за связь жителей с партизанским движением. До 160 мужчин-дорожевцев погибло на фронтах, много жителей, в том числе женщин и детей, было расстреляно врагами в окрестностях леса, где они скрывались после сожжения жилищ. Часть селян успела эвакуироваться и жила в Саратовской области.

А «Кострома» прошла и через пожар войны. Спасаясь от огня, убегая в леса, уезжая в Поволжье, дорожевцы сумели захватить с собою красивые праздничные наряды, в которых они выступали в Москве и которые как бы олицетворяли надежду вновь попасть в столицу... «Москву посмотреть, Кострому показать»

Много труда приложили дорожевцы, чтобы на месте заросшего бурьяном пожарища восстановить родное село. Первое время жили в землянках и «балаганах» (бревенчатых сараях без пола). Благодаря помощи правительства (денежными ссудами, строительными материалами и т.п.) село смогло вновь отстроиться, но зажиточным оно еще не стало.

Прόшла война, и в селе возродились прежние песни. Летом зазвучали кувики, на площади вновь стали играть «Кострому» и даже обогащать старую постановку новыми сценками, интермедиями..

Вызов группы дорожевцев в Москву в 1940 году заметно сказался на песенном коллективе. После войны он стабилизировался, превратился в Хор русской песни.

К сожалению, ко времени вторичного моего приезда в Дорожево (1953 г.) помочь этому коллективу со стороны Областного Дома народного творчества ограничились редкими наездами в село хоровика-методиста. Под его руководством было разучено несколько песен, но настоящий творческий коллектив так и не был создан.

Самые последние сведения о Дорожеве (кратковременное посещение 1-2 мая 1956 г.) еще более неутешительны. Село, правда, сохраняет свои песенные традиции, но новый молодежный хор, отмеченный уже на районной олимпиаде, вовсе не знает старого местного репертуара. Вместе с баянистом, приезжавшим в село из г Бежицы, девушки разучили только следующие песни: «Марш советских патриотов», «Уральская рябинушка», «За горою у колодца», «Уезжаем в родное село» и «Занялася заря расписная». За исполнение хор был премирован.

Таким образом, дорожевский фольклор, такой богатый и своеобразный, ценный в научно-историческом отношении, стоит перед очевидной угрозой полного забвения.

Старинный праздничный наряд.

Фото А. Кулаковского, 1956 г.

Головной убор («головное»)

Фото А. Кулаковского, 1956 г

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О СЕЛЕ ДОРОЖЕВЕ на 1953 год

Село Дорожево (Дорожово) расположено в 10—12 км к северу от ж. д. станции Сельцо, в северо-западном углу Брянского района Брянской области (до войны — Орловской). От ближайшего промышленного центра — Бежицы — 20 км. Село расположено на большом поле (4—6 км диаметром), со всех сторон окруженному сосновыми лесами. Леса эти, в недавнем прошлом дремучие и непроходимые, были основательно вырублены еще до империалистической войны, однако Дорожево и сейчас еще в кольце лесов.

По словам жителей Дорожева, окрестности села летом исключительно хороши. Леса и луга на берегах протекающей речки Сенной (довольно полноводной) богаты ягодами, грибами. В лесу много зайцев, лис, встречаются волки, изредка видят и бурых медведей.

Село Дорожево объединяет несколько смежных «концов» и выселок. Основное ядро села составляют деревни Сурчаевка и Котовщина. К ним примыкают Конец, Коченовка, Поповка, далее идут выселки Мáково, Пáзинка, Мóжари, Озеркý. До войны в селе было 1200 избирателей, число жителей с детьми доходило до 2,5 тысяч. В селе есть школа-семилетка, клуб и радио. Кинопередвижка демонстрирует звуковые фильмы, но электричества нет. В экономическом отношении село и до войны не было крепким, так как почва здесь мало плодородная. В экономике села продолжает играть большую роль лес, лесное хозяйство. До войны существовало и домотканное производство холстов (из конопли).

Общее впечатление такое, что село Дорожево только сравнительно недавно, после революции установило тесную связь с ближайшими культурными центрами. Благодаря своему расположению в стороне от дорог, село это в прошлом было как бы огорожено сплошной стеной лесов, было замкнутым, изолированным.

Есть основания утверждать, что в селе Дорожеве никогда не было крепостного права и что крестьяне были приписаны к землям какого-то брянского монастыря.

ОПИСАНИЕ НАРОДНОГО СТАРИННОГО ЖЕНСКОГО КОСТЮМА

Почти все сведения сообщила П. П. Изотикова

Старинные костюмы (женские) хранятся у многих. Их удалось спасти при сожжении гитлеровцами села.

В 1940 году женщины иногда ходили в повойниках, паневах. Раньше, согласно рассказам, повойники надевали только старухи. Повойник: передняя часть его, расшитая бусами, называется лобок, макушка из материи — шапочка. Платье: спереди — хвартук, раньше назывался — зáнавеска.

Общий тон платьев (почти у всех) красный. Праздничная панева часто в продольных (сверху вниз) красных, синих и др. полосах расшита бусами. У рубашки рукава также расшиты красным и черным. Манжетки (маржетки) чаще красные. Рубашка подпоясана кушаком (иногда тоже красным).

На шее — резуновый поджерельник. На верхнюю часть груди опускается резун, на шее — жерелок, группа (до 20-ти) красных нитей, мелких бус — кралечек. Ниже до середины живота спускается тканная из бус полоса (четыре сантиметра в поперечнике) — чепка; встречается и термин — монисто.

«Головное» (убор головы) прямо на волосах спереди валек из серого холста, а на нем кокосник (кокошник) из бус разного цвета. Сзади широким плащиком спускается на шею подзатыльник — самая крупная часть «головного» — из одних бус. Над ушами, закрывая их, спускаются по груди резуновые кишки. Сам кокосник — ша почка, большей частью с малиновым верхом. Над лбом широкая лента из серебряного галуна и нескольких рядов бус. Кокосник охватывает красная матерчатая кишка (накладывается отдельно) — повязальник. Сзади к повязальному прикреплены разноцветные ленты, свешивающиеся по спине.

Очушки в парадном костюме обматываются красными обрамами — веревочками¹.

¹ О брянских костюмах см.. Н. Лебедева. Народный быт в верховых Десны и верховых Оки (Этнолог экспедиц. в Брянскую и Калужскую губ. 1925—1926 гг.) Мемуары Этнограф. отд. О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, вып. 2, 1927.

ЗАМЕЧАНИЯ О МЕСТНОМ ГОВОРЕНЬИ

У коренных жителей села Дорожева, в особенности старшего поколения (малограмотных), не отлучающихся надолго в другие местности (преимущественно у женщин), наблюдаются характерные особенности в речи. Частично это связано с близостью села к границам расселения украинцев и белорусов¹, частично — с сохранением в быту древних слов, терминов.

Одна из наиболее заметных особенностей говора — «цоканье», то есть замена шипящих ч и щ, а также иногда т и ж звуками ц, с: канецьинс, мусыцинская, цасу, девченкоцьке, презня, у сумацьке, цяпло (тепло), цюжому и т. п. Некоторые жительницы Дорожева почти не употребляют звука ч.

Окончание глаголов на т обычно смягчается: сгонить, вылетить, ня умеють.

Характерным признаком местного говора является чисто украинское смягчение г в һ: пеһодный, твароһ. Это смягчение г иногда нестойко, то есть певицы, смягчая г, в следующем куплете выговаривают то же слово с г твердым: ности и гости. Интересно, что некоторые слова все жители, даже особо склонные к смягчению г, произносят твердо: карагод (хоровод), дагавором (договором). В начале слова, в конце и перед согласными г смягчается, например: һосударыня жена, һлазки, һусли һудуть.

Особенностью выговора в Дорожеве также является частое смягчение конечной гласной после гортанных г, к, х: тройку, чайку.

В некоторых словах с заменяется на ш: шаштова (шестого), ф часто заменяется на хв.

В пении очень часты промежуточные гласные, средние между ы и а, ю и е, а также замена а на э, в окончаниях — и на е: бягучее (бегучие), лучинэю, сэма выду зэ варотечьке, пуххөвю, сатою (сытою), вдэва.

В речи часто употребление нерусских слов, большей частью украинских или белорусских: трапляются, бадъор, росшукали, һукали, балакать, чуешь, прозорый, шпалеры (с польского — обои), вагом (постепенно).

¹ До границы УССР приблизительно 120 км, БССР — 85 км, а до мест расселения украинцев и белоруссов, конечно, еще ближе. Недалеко (15 км) было чисто украинское село Николаевка, сожженное во время войны.

чёрвоный (чаще в песне), йось (есть), раскутать (раскрыть), погомоним (поговорим), моть (может быть), пожечено (сожжено), хирма (ферма), вир (омут, коловорот)

Употребляются порой украинские обороты: «увчера была вымыла хату» и пр. Некоторые украинские слова вошли в быт, как, например, «хата» (только в песнях или в воспоминаниях старшего поколения сохранилась русская форма — «изба»)

В песнях замечается порою сокращение у в звук, подобный белорусскому, средний между у и в.

После л — а нередко смягчается в я: изделяля. Неударяемое е заменяется порою явственным я: бярезу, расцвяли, лябядина, смятана.

В целом выговор отчетливо акающий. Следует также отметить частые в пении случаи элизии, в особенности 'на вместо она.

К концам стиха замечалась иногда замена и других гласных на а, как результат некоторого утомления певицы, отчетливо артикулирующей с начала стиха, а далее постепенно переходящей к открытому и более легкому а.

Иногда в пении е заменяют на у, ю. Сказывая песню, говорят «лен», «ладо», а затем, пропевая ее, — «люли», «ладу»

В говоре встречается ряд местных слов, а иногда старорусских: скакать (плясать), выкозюливать (вывертывать), козюля (змея), завидно (засветло), дородный (крепкий, толстый), ширинка (полотенце), тады ж (тогда же), саткэль (откуда), нарядёмши (нарядивши), нетути, скряпала (съела), хрепатая (хриплая), ходемши (идя), баба как с блоха (хоршая), так и дам судушку (дам кулаком) и пр.¹

Школа, конечно, успешно борется со всеми особенностями выговора, сказывающимися на ошибках школьников. У мужчин, бывших в армии, живущих в городах, эти особенности значительно более сглажены.

Сравнение выговора селян в 1940 и в 1953 годах показывает, что указанные особенности сохраняются у старшего поколения довольно стойко; наиболее устойчивы смягчение гласной после к, г, х (Володька, чайку), элизия, замена ф на хв.

Менее устойчив набор отдельных украинских слов, проникших в село недавно (может быть, от контактов с жителями украинского села Николаевка). Так, в 1953 году ни разу не пришлось услышать слово «балакать»; другие украинские слова, например «хата», все более утверждаются в быту.

Примечательной особенностью песенного словаря дорожевцев является почти полное отсутствие слова «барин». Всюду употребляется более древний термин «боярин» (что, видимо, связано с отсутствием в прошлом крепостного права)

¹ Ср. упоминавшуюся работу Н. Тиханова «Брянский говор» Сб. Отд. русского языка и словесности АН, т 76, № 4, СПб., 1906.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Введение</i>	3
Общий обзор	8
«Кострома»	8
Брянские кувыкли	40
Песенное искусство села Дорожева	50
Дорожевский фольклор	54
Общий песенный репертуар	54
Песни	61
Образцы частушек	113
Старинный свадебный обряд	117
Некоторые обычаи, поверья сказки	128
Приложение	132
Исполнители в Дорожеве	132
Судьбы дорожевского коллектива	135
Общие сведения о селе Дорожеве на 1953 год	137
Описание народного старинного женского костюма в Дорожеве	138
Замечания о местном говоре	139

КУЛАКОВСКИЙ ЛЕВ ВЛАДИМИРОВИЧ
Искусство села Дорожева

Редактор Л. Лебединский.

Художник И. Ветлугин.

Технический редактор Р. Орлова

Корректор Т. Ганешина

Сдано в произв. 12/VII-58 г.

Подпись к печати 24/III-59 г Ш-02583.

Формат бумаги 60×92/16. Бум. л. 4.3.

Печ. л. 9 (условных) Уч. изд. л. 8.583. Тираж 580.

Цена 8 р. 60 к. + 6 вклейк 70 к. + 1 р. 50 к.

(переплет)

Изд. 172. Зак. тип. 2131.

Моск. тип. изд-ва «Советский композитор»

Легион Годи

